

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ПОЛЕТ АИСТОВ

18+

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ВЫСТРОЕННАЯ ИНТРИГА, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СТИЛЬ.
ЧИТАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!

Critiques libres

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

«Азбука-Аттикус»

Гранже Ж.

Полет аистов / Ж. Гранже — «Азбука-Аттикус», — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-03811-0

Луи Антиош, молодой ученый-философ, получает странное предложение от друга своих приемных родителей, известного швейцарского орнитолога Бёма: проследить путь миграции аистов и попытаться выяснить, почему несколько сотен окольцованных птиц не вернулись в Европу, к родным гнездам. Накануне отъезда Луи находит Бёма мертвым. Обстоятельства смерти орнитолога кажутся ему подозрительными, и он решает, несмотря ни на что, совершить намеченное путешествие. Не проходит и нескольких дней, как Луи понимает, что его поездка – весьма рискованное предприятие.

ISBN 978-5-389-03811-0

© Гранже Ж.
© Азбука-Аттикус

Содержание

I		5
	1	5
	2	7
	3	11
	4	14
	5	17
II		22
	6	22
	7	27
	8	30
	9	33
	10	38
	11	42
	12	45
	13	50
	14	54
	Конец ознакомительного фрагмента.	55

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Посвящается Виржини Люк

I

Милая Европа

1

Я обещал Максу Бёму в последний раз навестить его перед отъездом.

В тот день над французской Швейцарией собиралась гроза. В небе разверзались черные и синие пропасти, и туда проваливались ослепительные молнии. Теплый ветер дул неведомо откуда. Я ехал по берегу Женевского озера во взятом напрокат автомобиле с откидным верхом. За поворотом дороги в мутной пелене наэлектризованного воздуха показался Монтрё. По озеру ходили волны, а прибрежные отели, несмотря на разгар туристического сезона, казалось, разом обезлюдели, словно на них легло какое-то проклятье. Подъехав к центру, я притормозил и углубился в узенькие улочки, ведущие к самой высокой точке городка.

Когда я, наконец, очутился у шале Макса Бёма, уже почти стемнело. Я взглянул на часы: было ровно пять. Позвонил в дверь, подождал. Никакого ответа. Я снова принялся настойчиво звонить, потом прислушался. Внутри – ни звука. Я обошел вокруг дома: света нет, окна закрыты. Странно. С самого моего первого визита сюда и до сих пор Макс Бём всегда казался мне человеком пунктуальным. Вернувшись к машине, я стал ждать. Из толщи облаков доносились глухие раскаты. Я поднял откидной верх автомобиля. Прошло полчаса, но Макс так и не появился. Тогда я решил отправиться в заповедник: орнитолог вполне мог поехать навестить своих подопечных.

В немецкую Швейцарию я попал через город Буль. Дождь так и не собрался, а вот ветер усилился, и из-под колес моей машины вылетали клубы пыли. Примерно через час я добрался до обнесенных изгородью лугов в окрестностях Вейсембаха. Заглушив мотор, я прямо по траве направился к вольерам.

За сеткой я разглядел несколько аистов. Оранжевые клювы, белое с черным оперенье, зоркие глаза. Казалось, их что-то беспокоит. Они шумно хлопали крыльями и щелкали клювами. Наверное, причиной тому была гроза, а может, инстинкт странствий. Мне вспомнились слова Бёма: «Аисты – это птицы, обладающие врожденным инстинктом миграций. Они снимаются с места не потому, что этого требуют погодные условия или недостаток пищи, а потому, что так устроены их внутренние часы. Однажды приходит время улетать, вот и все». Наступил конец августа, и аисты, должно быть, слышали таинственный сигнал. Неподалеку по пастбищам разгуливали другие аисты, покачиваясь от ветра. Они тоже стремились улететь, но Бём подрезал им крылья: удалил перья с крайней фаланги одного крыла, нарушив балансировку и тем самым не давая птицам взлететь. Этот «друг природы» имел довольно своеобразное представление о вселенском порядке.

Вдруг на соседнем поле появился какой-то невероятно худой человек. Он шел, склоняясь под порывами ветра. Меня обволокли густые запахи скошенных трав, и я почувствовал, как в голове зарождается тупая боль. Тощий что-то прокричал мне издали по-немецки. Я в свою очередь проорал свой вопрос по-французски, и тот ответил мне тоже по-французски:

«Бём сегодня так и не появился. Как, впрочем, и вчера». Человек был лысый, лишь над его лбом развевалось несколько спутанных прядок, которые он безуспешно пытался пригладить. Он добавил: «Обычно он каждый день приходит кормить свою живность».

Я сел в машину и поехал к «Экомузею». Это было нечто вроде поселения, расположенного неподалеку от Монтрё, где старинные швейцарские шале были реконструированы в натуральную величину с сохранением мельчайших деталей. На каждой трубе громоздилось гнездо аистов, находившееся под бдительной опекой Макса Бёма.

Вскоре я въехал в бутафорскую деревню. Дальше пришлось идти пешком по пустынным узеньким улочкам. Я довольно долго плутал в замысловатом лабиринте коричневых и белых домиков, единственным обитателем которых была пустота, пока, наконец, не вышел к сторожевой башне – мрачному четырехугольному сооружению, высотой более двадцати метров. Наверху виднелось гигантское гнездо аистов. «Самое большое гнездо в Европе», – сказал мне как-то раз Макс Бём. Аисты сидели на месте, внутри этого колоссального венка из земли и веток. Птицы оглушительно щелкали клювами, громкое эхо разносилось по безмолвным улицам – словно кто-то клацал зубами, держа у рта микрофон. Бёма нигде не было.

Я вернулся той же дорогой и отыскал сторожку. Ночной дежурный смотрел телевизор. Он ел сэндвич, а его собака с удовольствием угощалась мясными фрикадельками из казенной миски.

– Бём? – переспросил сторож с набитым ртом. – Он приходил позавчера, поднимался на башню. Мы выносили ему лестницу. – Я вспомнил это кошмарное приспособление, орнитолог часто им пользовался: это была древняя, облупленная пожарная лестница. – Но потом я его не видел. Он даже не собрал инвентарь.

Сторож пожал плечами и добавил:

– Бём здесь как у себя дома. То приходит, то уходит.

И откусил кусок сэндвича, давая понять, что разговор окончен. В моем мозгу зародилась смутная догадка.

– Не могли бы вы снова ее вытащить?

– Что?

– Лестницу.

Собака бежала рядом, путаясь у нас под ногами. Сторож шагал молча. Ему явно пришлось не по вкусу мои ночные планы. Он открыл дверь сарая, расположенного рядом с башней. Мы вытащили лестницу, закрепленную на двух колесах от телеги. Агрегат показался мне еще менее надежным, чем обычно. И все же с помощью сторожа я приладил на место все цепи, блоки и тросы, и мало-помалу лестница вознеслась ввысь. Ее верхний конец сильно раскачивался от ветра.

Сглотнув комок слюны, я приступил к восхождению, соблюдая осторожность. По мере подъема мои глаза видели все хуже: они слезились от ветра и от страха высоты. Мои пальцы ожесточенно цеплялись за перекладины. При каждом движении у меня внутри все холодело. Десять метров. Я сосредоточил внимание на стене и заставил себя карабкаться дальше. Пятнадцать метров. Деревянные планки были мокрыми, и подошвы моих ботинок то и дело скользили. Лестница ходила ходуном, ее вибрация отдавалась у меня в коленях. Я осмелился взглянуть перед собой. Гнездо теперь находилось на расстоянии вытянутой руки. Затаив дыхание, я преодолел последние ступеньки и схватился за ветви гнезда. Аисты улетели. Какое-то мгновение я не видел ничего, кроме хаоса хлопающих крыльев, а потом передо мной открылась ужасная картина.

Я увидел Бёма: он лежал на спине, с открытым ртом. Он нашел пристанище в гигантском гнезде. Из-под разорванной рубашки непристойно выпячивался белый, измазанный землей живот. На месте глаз зияли пустые кровавые дыры. Не знаю, приносят ли аисты младенцев, но с мертвецом они поработали на славу.

2

Стерильная белизна, лязг металлических инструментов, безмолвные люди-тени. Было три часа утра, я сидел в ожидании в маленьком госпитале в Монтрё. Двери отделения «Скорой помощи» открывались и закрывались. Медсестры ходили взад-вперед. Люди в масках появлялись и исчезали, даже не замечая моего присутствия.

Сторож, потрясенный случившимся, остался в деревне. Сам я тоже чувствовал себя немногим лучше. Меня колотило, и в голове было пусто. Я раньше никогда не видел трупов. Растерзанное тело Бёма – это было слишком для первого раза. Птицы уже выклевали ему язык и еще что-то внутри, в области гортани. Множество ран покрывали его живот и бока: они были сплошь истыканы и изорваны клювами. В конце концов, птицы сожрали бы его целиком. «Вы ведь знаете, аисты – плотоядные пернатые, не так ли?» – сказал мне Макс Бём при нашей первой встрече. Теперь-то я уж точно этого не забуду.

Пока пожарные снимали труп и спускали его вниз, аисты медленно и опасно кружили над ними. В последний раз я видел тело Бёма, когда оно уже лежало на земле, все в комьях грязи и кровавых корках. Потом его засунули в шуршащий чехол. В прерывистом свете мигалок все казалось мне нереальным, и я наблюдал за происходящим, абсолютно ничего не чувствуя, – готов в этом поклясться. Словно меня там вовсе не было, словно я испуганно смотрел на все со стороны.

Я ждал. И вспоминал последние два месяца своей жизни, увлеченную работу с птицами, закончившуюся сегодня чем-то вроде поминальной молитвы.

Итак, я был молодым человеком, приличным во всех отношениях. К тридцати двум годам я получил докторскую степень по истории – результат восьмилетних трудов, посвященных «понятию культуры у Освальда Шпенглера». Когда я закончил ваять этот огромный том в тысячу страниц, никому не нужный с практической точки зрения и крайне трудный для восприятия, мною овладела единственная идея: забыть науку навсегда. Я устал от книг, музеев, от фильмов по искусству и экспериментального кино. Устал жить чужой жизнью, устал грезить об искусстве и блеске гуманитарных наук. Мне хотелось действовать, почувствовать вкус реальности.

У меня было несколько знакомых молодых врачей, добровольно выбравших работу в социальных учреждениях и «потерявших год», чтобы самоутвердиться. Знавал я и начинающих адвокатов, отправившихся в Индию и приобщившихся к мистицизму, прежде чем заняться собственной карьерой. А меня не привлекала никакая профессия, не интересовали ни экзотические страны, ни страдания ближнего. Тогда мои приемные родители в очередной раз пришли мне на помощь. Я говорю «в очередной раз», потому что после несчастного случая, унесшего жизнь моих родителей и брата, эта чета пожилых дипломатов всегда обеспечивала меня тем, в чем я нуждался: сначала няней, когда я был маленьким, потом солидным содержанием, позволившим мне никогда не думать о финансовых проблемах.

Так вот, Жорж и Нелли Бреслер посоветовали мне отправиться к Макс Бёму, одному из их швейцарских друзей, искавшему себе в помощники кого-то вроде меня. «Вроде меня?» – осведомился я, беря записку с адресом Бёма. Мне ответили, что он, вероятно, пробудет в указанном месте несколько месяцев, а позже они непременно позаботятся о подходящей для меня должности.

В дальнейшем события приняли неожиданный оборот. А первая встреча с Максом Бёмом, странная и таинственная, во всех подробностях запечатлелась в моей памяти.

В тот день, 17 мая 1991 года, часа в четыре дня, после долгих блужданий по узеньким улочкам верхней части Монтрё, я, наконец, нашел дом номер три по Озерной улице. За углом одной из площадей, сплошь утыканной средневековыми фонарями, я обнаружил шале с мас-

сивной деревянной дверью и табличкой «Макс Бём». Я позвонил. Спустя какое-то время дверь резко распахнулась, и я увидел на пороге широко улыбающегося человека лет шестидесяти. «Вы Луи Антиош?» – спросил он. Я кивнул и вошел в жилище господина Бёма.

Внутри дом весьма напоминал тот квартал, где он находился. Комнаты были узкие, со сложной планировкой: повсюду какие-то закоулки и этажерки, а еще шторы, за которыми явно не было никаких окон. Пол располагался на разных уровнях, соединенных множеством ступенек. Бём отдернул занавеску над дверью и пригласил меня следовать за ним. Мы спустились в подвальное помещение и вошли в комнату с выбеленными стенами; там стоял только дубовый письменный стол, а на нем красовались пишущая машинка и кипа бумаг. Над столом висели карты Европы и Африки, а также многочисленные гравюры, изображавшие птиц. Я сел. Бём предложил мне чаю. Я охотно согласился (надо сказать, что я, кроме чая, ничего не пью). Бём в мгновение ока достал откуда-то термос, чашки, сахар и лимоны. Пока он хлопотал, я внимательно его разглядывал.

Он был невысокий и плотный, на голове – ежик совершенно седых волос. Круглое лицо пересекала белая полоска аккуратно подстриженных усов. Кряжистая фигура и неповоротливость в движениях определенно придавали ему суровость, но лицо его светилось необычайным добродушием. Особенно глаза: окруженные мелкими морщинками, они словно все время смеялись.

Бём осторожно поставил чашки и разлил чай. У него были грубые руки и неловкие пальцы. «Старик-лесовик», – подумал я. В его доме чувствовался военный дух: то ли он прежде служил в армии, то ли занимался каким-то чисто мужским ремеслом. Наконец он уселся, сложил руки и заговорил приятным голосом:

– Значит, вы родственник Бреслеров, моих старых друзей?

Я откашлялся и уточнил:

– Я их приемный сын.

– А я всегда считал, что у них нет детей.

– Действительно, нет. То есть нет своих детей. – Бём молчал, и я продолжил: – Мои родители были близкими друзьями супругов Бреслер. Когда при пожаре погибли мои родители и брат, мне исполнилось семь лет. У меня больше никого не осталось. Жорж и Нелли меня усыновили.

– Нелли мне рассказывала о ваших превосходных умственных способностях.

– Боюсь, она преувеличивала. – Я открыл папку. – Вот тут я принес вам сведения о себе.

Бём отодвинул листок в сторону огромной мощной ладонью. Хватило бы и двух его пальцев, чтобы сломать руку кому угодно. Бём произнес:

– Я доверяю мнению Нелли. Она вам говорила о ваших будущих обязанностях? Она предупреждала, что речь идет о совершенно особом поручении?

– Нелли ничего мне не сказала.

Бём умолк и уставился на меня. По-видимому, он хотел проследить, как я буду реагировать на его слова.

– В моем возрасте праздность способна порождать некоторые прихоти. Моя привязанность к определенным живым существам весьма усилилась.

– Кого вы имеете в виду? – поинтересовался я.

– Не людей.

Бём снова замолчал. Совершенно очевидно, ему нравилось держать собеседника в напряжении. Наконец, он тихонько проговорил:

– Речь идет об аистах.

– Об аистах?

– Видите ли, я очень люблю природу. Вот уже сорок лет я увлекаюсь птицами. В молодости я читал массу книг по орнитологии, часами торчал в лесу, вооружившись биноклем и

наблюдая за разными видами птиц. Белый аист стал особенно дорог моему сердцу. Прежде всего потому, что это самая удивительная из всех перелетных птиц, она способна каждый год преодолевать расстояние в двадцать тысяч километров. В конце лета, когда аисты отправлялись в путь в сторону Африки, я душой устремлялся вслед за ними. Впрочем, потом я выбрал такую работу, что она позволяла мне путешествовать вместе с птицами. Я инженер, мсье Антиош, специализировался на общественных работах, а теперь вышел на пенсию. Всю жизнь я добровольно отправлялся на большие стройки на Средний Восток и в Африку, следуя по маршруту птиц. Теперь я живу здесь постоянно, но продолжаю изучать процесс миграции аистов. Я даже написал о них несколько книг.

– Я ничего не знаю об аистах. Чего же вы ждете от меня?

– К этому я и веду. – Бём отхлебнул чай. – С тех пор как я, уйдя на пенсию, поселился здесь, в Монтрё, аисты чувствуют себя великолепно. Каждый год мои аисты возвращаются, и все пары находят свои гнезда в целостности и сохранности. Все идет четко, как по нотам. Хотя в этом году восточные аисты не вернулись.

– Что вы имеете в виду?

– Из семисот пар птиц, зарегистрированных в Германии и Польше, в марте и апреле в небе не появилось и пятидесяти. Я ждал не одну неделю. Я даже выехал на место их пребывания. Но ничего не мог поделать. Аисты так и не вернулись.

Внезапно орнитолог показался мне старым и одиноким. Я спросил у него:

– Вы нашли этому какое-то объяснение?

– Возможно, там случилось экологическое бедствие. Или применили новый инсектицид. У меня – одни предположения. А я хотел бы знать наверняка.

– И чем же я могу вам помочь?

– В августе десятки аистов тронутся в путь, чтобы совершить свой ежегодный перелет. Я хотел бы, чтобы вы следовали за ними. День за днем. Я хотел бы, чтобы вы прошли точно по их маршруту. Я хочу, чтобы вы узнали, какие трудности подстерегают их на пути. Чтобы вы расспросили местных жителей, полицию, орнитологов. Я хочу, чтобы вы выяснили, почему исчезли мои аисты.

Замысел Бёма привел меня в замешательство.

– Вам не кажется, что вы в тысячу раз лучше меня справитесь с...

– Я поклялся, что ноги моей больше не будет в Африке. Кроме того, мне уже пятьдесят семь лет. Сердце у меня пошаливает. Мне уже трудно выезжать на место наблюдений.

– Разве у вас нет ассистента – молодого орнитолога, который мог бы заняться этим исследованием?

– Я не люблю профессионалов. Я хочу, чтобы моим помощником был человек непредвзятый, не обладающий специальными знаниями, готовый отправиться навстречу тайне и раскрыть ее. Итак, вы согласны или нет?

– Согласен, – не колеблясь ответил я. – Когда мне ехать?

– Вместе с аистами в конце августа. Путешествие продлится месяца два. В октябре птицы будут уже в Судане. Все должно проясниться до назначенного мною срока. Если ничего не получится, вы вернетесь, и загадка останется неразгаданной. Вы будете получать пятнадцать тысяч франков в месяц плюс оплата расходов. Вас зачислят штатным сотрудником нашей организации: АЗЕА, Ассоциации защиты европейского аиста. Мы не очень богаты, но для этого путешествия мной предусмотрены наилучшие условия: авиаперелет в первом классе, аренда автомобилей, удобные гостиницы. Первую сумму вам выдадут в середине августа, вместе с билетами на самолет и документами на забронированные для вас номера. Как вам кажется, мое предложение разумно?

– Я в вашем распоряжении. Только скажите мне сначала одну вещь: как вы познакомились с Бреслерами?

– На симпозиуме орнитологов в Метце, в 1987 году. Основная тема – «Западная Европа: аисты в опасности». Жорж тоже выступал, он сделал интересное сообщение о серых журавлях.

Впоследствии Макс Бём проехал со мной по всей Швейцарии и показал несколько питомников, где он выращивал ручных аистов. Их птенцы должны были к осени превратиться в перелетных птиц, которых мне и предстояло сопровождать. В дороге орнитолог рассказал мне об основных целях моих будущих странствий. Во-первых, маршрут птиц примерно известен. Во-вторых, аисты пролетают в день не более сотни километров. В-третьих, Бём применял безошибочное средство, позволяющее где угодно находить европейских аистов: он их кольцевал. Каждую весну он надевал на лапки аистят колечки с датой рождения птенца и его регистрационным номером. Таким образом, вооружившись биноклем, можно было каждый вечер без труда отыскивать «его» птиц. Ко всему вышесказанному следовало добавить, что Бём постоянно переписывался с орнитологами всех стран, где пролегал маршрут перелета, они должны были мне помочь и ответить на вопросы. Бём не сомневался, что при таких условиях я непременно выясню, что же произошло прошлой весной, когда птицы совершали свое обычное путешествие.

Три месяца спустя, 17 августа 1991 года, мне позвонил необычайно возбужденный Макс Бём. Он вернулся из Германии, где обнаружил, что птицы уже готовы тронуться в путь. Бём перечислил на мой счет пятьдесят тысяч франков (зарплата за два месяца вперед плюс приличная сумма на первые расходы) и курьерской почтой переслал мне авиабилеты, ваучеры на аренду машин и список зарезервированных для меня номеров в гостиницах. К этому прилагался билет на экспресс «Париж – Лозанна». Бём хотел со мной увидеться в последний раз, чтобы уточнить детали нашего плана.

Итак, 19 августа в семь часов утра я пустился в путь, вооружившись путеводителями, визами и запасом лекарств. В моей дорожной сумке лежали только самые необходимые вещи. Все мои вещи, включая компьютер, составляли багаж среднего размера, с собой я нес маленький рюкзачок. Полный порядок. А вот в душе, наоборот, царил немыслимый хаос: во мне бурлили, смешиваясь, неясные надежды, подозрения, крайнее волнение.

3

И вот сегодня все было кончено. Так и не успев начаться. Макс Бём так никогда и не узнает, почему исчезли его аисты. А я тем более. Поскольку его смерть ставила точку в его расследовании. Я собирался вернуть деньги ассоциации и вновь засесть за книги. Моя карьера путешественника завершилась молниеносно. Меня не удивило, что она имела такой неудачный конец. Ведь, что греха таить, я был всего лишь праздным студентом. Так с чего бы мне вдруг превращаться в отпетого авантюриста?

Однако я все еще ждал. Сидел в больнице и ждал. Ждал инспектора полиции и результатов вскрытия. Разумеется, произвели вскрытие. Дежурный врач приступил к нему немедленно, как только получил разрешение полиции – ведь, судя по всему, родственников у Макса Бёма не было. Что же случилось со стариной Максом? Сердечный приступ? Или на него напали аисты? На все эти вопросы требовалось ответить, и поэтому сейчас медики кромсали тело Бёма.

– Вы Луи Антиош?

Погруженный в раздумья, я не заметил, как подошел какой-то человек и сел рядом со мной. У него был спокойный голос и такой же спокойный вид. Удлиненное лицо с правильными чертами, только надо лбом – непокорный вихор. Парень смотрел на меня мечтательными глазами, еще немного сонными. Он не успел побриться, что, судя по всему, случалось с ним крайне редко. На нем были отлично сшитые легкие полотняные брюки и нежно-голубая рубашка фирмы «Лакост». Мы с ним были одеты почти одинаково, только моя рубашка была черной, и на ней вместо лакостовского крокодила красовался череп. Я ответил: «Да. А вы из полиции?» Он кивнул и сложил руки, словно собираясь молиться:

– Инспектор Дюма. Дежурил сегодня ночью. И тут такое. Это вы его нашли?

– Да.

– В каком он был состоянии?

– Он был мертв.

Дюма пожал плечами и достал блокнот.

– При каких обстоятельствах вы его обнаружили?

Я рассказал ему, как искал Бёма весь вечер. Дюма медленно помечал что-то в блокноте. Он снова задал вопрос:

– Вы француз?

– Да. Живу в Париже.

Инспектор тщательно записал мой адрес.

– Вы давно знакомы с Максом Бёмом?

– Нет.

– Какого рода отношения вас связывали?

Я решил соврать.

– Я орнитолог-любитель. Мы с ним планировали запустить образовательную программу о птицах.

– О каких?

– Главным образом о белых аистах.

– Какая у вас специальность?

– Я только что закончил обучение.

– Какое? По орнитологии?

– Нет. По истории и философии.

– А сколько вам лет?

– Тридцать два.

Инспектор тихонько присвистнул.

– Вам здорово повезло: вы имели возможность так долго заниматься тем, что вас увлекает. Мне столько, сколько вам, а я уже тринадцать лет работаю в полиции.

– История меня вовсе не увлекает, – сурово возразил я.

Дюма устался в стену напротив. На его губах мелькнула мечтательная улыбка.

– Уверяю вас, работа в полиции тоже не кажется мне увлекательной.

Он опять посмотрел на меня:

– Как вам кажется, когда умер Макс Бём?

– Думаю, позавчера. Семнадцатого вечером сторож видел, как Макс поднялся в гнездо, однако не видел, чтобы он оттуда спускался.

– По-вашему, отчего он умер?

– Не знаю. Может, стало плохо с сердцем. И тогда аисты начали... его клевать.

– Я видел тело до начала вскрытия. Может, вам еще есть что добавить?

– Нет.

– Вам надо будет подписать ваши показания в комиссариате, он находится в центре. Все оформят ближе к полудню. Вот адрес – Дюма вздохнул. – Эта история с гибелью Бёма наделает много шума. Он ведь был знаменитостью. Вы, наверное, знаете, что это он вернул аистов в Швейцарию. Мы здесь придаем подобным вещам большое значение.

Он помолчал, потом усмехнулся и продолжил:

– Забавная у вас рубашка... очень подходит к случаю.

Я ждал этого замечания с самого начала. Из затруднительного положения меня вывела маленькая плотная брюнетка, которая вышла в коридор. Она была в белом халате, испачканном кровью, на ее морщинистом лице пятнами рдел румянец. Эта женщина, должно быть, многое повидала, такую не проведешь. Она носила туфли на высоком каблуке, и при каждом ее шаге раздавался громкий стук, что казалось очень странным в этом ватном царстве тишины. Она подошла к нам. От нее сильно пахло табаком.

– Вы здесь по поводу Бёма? – спросила она хриплым голосом.

Мы встали. Дюма представил нас:

– Это Луи Антиош, студент, друг Макса Бёма. – В голосе инспектора я услышал иронические нотки. – Именно он обнаружил тело сегодня ночью. А я инспектор Дюма, федеральная полиция.

– Катрин Варель, кардиохирург. Вскрытие затянулось, – произнесла она, вытирая лоб, покрытый капельками пота. – Случай оказался более сложный, чем предполагалось. В первую очередь из-за ран. Отверстия от ударов клювами, довольно глубокие. Кажется, его нашли в гнезде аистов. Что же он там делал, боже ты мой?

– Макс Бём был орнитологом, – пояснил Дюма довольно холодно, – странно, что вы этого не знаете. Он был очень знаменит. Он охранял аистов на территории Швейцарии.

– Ах, вот оно что... – протянула женщина с сомнением.

Она достала пачку коричневых сигарет и закурила. Я заметил, что в помещении висит табличка, запрещающая курить, и понял, что эта женщина – не швейцарка. Она выпустила длинную струю дыма и вновь заговорила:

– Вернемся к вскрытию. Несмотря на многочисленные раны – их описание вы получите сегодня утром, – ясно, что этот человек умер от сердечного приступа, вечером семнадцатого августа, примерно в восемь часов. – Она повернулась ко мне. – Если бы вы его не нашли, запах вскоре встревожил бы посетителей. Но кое-что мне кажется особенно странным. Вы знали, что Бём перенес трансплантацию сердца?

Дюма вопросительно взглянул на меня. Доктор Варель продолжала:

– Когда мои коллеги наткнулись на длинный шрам на уровне грудной клетки, они позвали меня, чтобы я следила за ходом вскрытия. Факт трансплантации не вызывает никаких сомнений: прежде всего, имеется характерный рубец от вскрытия грудной клетки, затем, обнаружены

чрезмерные сужения полости перикарда, что свидетельствует о хирургическом вмешательстве. Кроме того, я отчетливо разглядела следы швов на аорте, легочной артерии, левом и правом предсердиях, – их наложили при трансплантации нерассасывающимися нитями.

Доктор Варель снова выдохнула облако дыма.

– Операция явно была сделана довольно давно, – продолжала она, – но новый орган прекрасно прижился, обычно мы обнаруживаем на пересаженном сердце множество белесых шрамов, образующихся на месте отторжения тканей, – иными словами, на месте некроза мышечных клеток. Можно сказать, случай Бёма очень интересный. И судя по тому, что я увидела, парень, сделавший ему операцию, был мастер своего дела. Впрочем, я уже навела справки: ни у кого из наших врачей Макс Бём не наблюдался. Вот вам, господа, маленький секрет, который следовало бы раскрыть. Со своей стороны я тоже проведу расследование. А что касается причины смерти, то в ней нет ничего необычного. Банальный инфаркт миокарда, случившийся примерно пятьдесят часов назад. Еще бы, туда было не так просто забраться. Бём умер без мучений, если это может вас утешить.

– Что вы хотите сказать? – спросил я.

Варель выпустила мощную струю никотина в стерильное пространство.

– Трансплантированное сердце не связано с нервными окончаниями. Поэтому никакой особой боли при сердечном приступе не бывает. Макс Бём не почувствовал, что умирает. Вот так-то, господа. – Она повернулась ко мне. – Вы займетесь организацией похорон?

Я на секунду заколебался.

– К сожалению, мне предстоит отправиться в путешествие... – пробормотал я.

– Ладно, – ответила она. – Потом разберемся. Свидетельство о смерти будет готово утром. – Она обратилась к Дюма: – Я могу поговорить с вами еще минуту?

Инспектор и врач попрощались со мной. Дюма добавил:

– Не забудьте около полудня зайти подписать ваши показания.

Потом они ушли в глубь коридора, он со своим удивительно спокойным видом, она на своих грохочущих каблуках. Однако сквозь их стук я все же расслышал, как женщина негромко сказала: «Знаете, тут есть одна проблема...»

4

Снаружи уже занималась заря, сонные улицы освещались ее тусклым светом, и тени предметов отливали металлом. Я ехал по Монтрё, не обращая внимания на сигналы светофоров и направляясь напрямик к жилищу Бёма. Не знаю почему, но перспектива следствия по делу о смерти орнитолога пугала меня. Я собирался уничтожить все касающиеся меня документы и втихомолку вернуть деньги в ассоциацию, не посвящая в это полицию. Нет следов – нет и следствия.

Из осторожности я оставил машину в сотне метров от шале. Сначала проверил, нет ли фиксатора на дверном замке, потом вернулся к машине и нашел в сумке карточку-закладку из гибкого пластика. Просунул ее в щель между дверью и наличником и терзал замок до тех пор, пока мне не удалось поддеть язычок замка. Наконец, я смог бесшумно отворить дверь, слегка надавив на нее плечом. И вот я очутился в доме покойного господина Бёма. В полумраке его жилище казалось еще более тесным и душным, чем раньше. Теперь это был дом мертвеца.

Я спустился в кабинет, расположенный в подвальном этаже. Мне не составило труда найти папку с надписью «Луи Антиош» – она лежала на виду. В ней была выписка о переводе денег на мой банковский счет, квитанция на авиабилеты, договор о бронировании номеров в гостиницах. Я прочел также записи, сделанные со слов Нелли Бреслер:

«Луи Антиош. Тридцать два года. Усыновлен Бреслерами в возрасте десяти лет. Умный, яркий, восприимчивый. При этом склонен к безделью и отличается легкомыслием. Требуется особого подхода. До сих пор наблюдаются последствия перенесенного несчастья. Частичная амнезия».

Выходит, после стольких лет Бреслеры продолжали считать меня человеком с травмированной психикой. Я перевернул страницу. Дальше ничего не было. Нелли не сообщила никаких подробностей трагедии, произошедшей со мной в детстве. Тем лучше. Я забрал папку и продолжил поиски. В глубине одного из ящиков я обнаружил папку с надписью «Аисты», очень похожую на ту, которую подготовил для меня Макс в день нашей первой встречи; там были сведения о тех, с кем мне предстояло связаться, и другая полезная информация. Эту папку я тоже прихватил с собой.

Пора было уходить. Однако мной овладело необъяснимое любопытство, и я продолжил наугад рыться в документах. В облупленном железном шкафу высотой в человеческий рост я обнаружил тысячи карточек с записями о птицах. Они стояли плотными рядами, а их края пестрели разноцветными полосками. Бём объяснил мне смысл этих обозначений. Всем сведениям о птице, всем событиям в ее жизни соответствовала пометка определенного цвета: красный – самка, синий – самец, зеленый – перелетная, розовый – поражение электротоком, желтый – болезнь, черный – смерть... Таким образом, Бёму довольно было одного взгляда, чтобы без труда найти интересовавшие его в данный момент карточки.

Внезапно меня осенило: я просмотрел список пропавших аистов, потом отыскал карточки нескольких из них в шкафу. Бём делал записи каким-то непонятным шифром. Единственное, что я смог разобрать, – это что все исчезнувшие птицы были взрослыми особями, в возрасте семи и более лет. Карточки тоже отправились в мою сумку. Я тащил все, что попадалось под руку. Мной руководила какая-то непреодолимая сила, и я перерыл весь кабинет вдоль и поперек. Теперь мне не терпелось отыскать медицинскую карту Бёма. «Бём – классический случай из учебника», – заявила доктор Варель. Где ему сделали эту операцию? Кто ее сделал? Я ничего не нашел.

С досады я сунулся в крохотную комнатенку, смежную с кабинетом. Макс Бём держал здесь свои принадлежности, в том числе и для кольцевания птиц. Над планом работы разме-

стились несколько биноклей, светофильтры и сотни разных колечек из всевозможных материалов. Мне попались на глаза хирургические инструменты, шприцы для подкожных впрыскиваний, бинты, шины, антисептические препараты. Макс Бём иногда охотно разыгрывал из себя ветеринара-любителя. Чем дольше я искал, тем больше жизнь этого пожилого человека представлялась мне одинокой, полностью посвященной каким-то странным увлечениям. В конце концов, я расставил все, как было, и поднялся на первый этаж.

Я ненадолго зашел сначала в большую комнату, затем в гостиную и кухню. Здесь повсюду стояли только швейцарские безделушки да валялись какие-то никому не нужные бумаги и газеты. Я поднялся на второй этаж. Здесь располагались три спальни. Та, в которой я ночевал, когда приезжал сюда в первый раз, выглядела все так же безлико: небольшая кровать, какая-то нелепая мебель. В спальне Бёма пахло плесенью и грустью. Поблекшие краски и неуютная обстановка. Я устроил обыск в шкафу, секретере, ящиках комодов. Везде было практически пусто. Я заглянул под кровать, под ковер. Отклеил уголки обоев. Ничего. Разве только несколько выцветших фотографий на пожелтевшей бумаге на дне платяного шкафа. С минуту я разглядывал снимки. Маленькая женщина с неясными чертами лица, хрупкая фигурка на фоне тропических пейзажей. Несомненно, госпожа Бём. На самых последних фотографиях – в блекловатых цветах семидесятых – она выглядела лет на сорок. Я прошел в третью спальню. Там тоже царила атмосфера запустения – только и всего. Я снова спустился вниз, собирая пыль, так и липшую к моей одежде.

За окнами вовсю светало. Паутина золотистых лучей мягко ложилась на спинки стульев и кресел и на края возвышений пола, неизвестно зачем устроенных в разных концах комнаты. Я присел на одно из них. В этом доме явно многого не хватало: медицинской карты Бёма (у больного с пересаженным сердцем должна храниться целая куча рецептов, томограмм, электрокардиограмм и т. п.), обычных сувениров путешественника – африканских безделушек, восточных ковров, охотничьих трофеев; не заметил я и следов его прежней профессии – ни пенсионных документов, ни выписок с банковского счета, ни налоговых квитанций. Именно так и поступил бы человек, если бы он хотел поставить жирный крест на своем прошлом. И все же где-то здесь непременно должен быть тайник.

Я взглянул на часы: семь пятнадцать. Если начнется следствие, сюда вот-вот заявится полиция, хотя бы для того, чтобы опечатать дом. Я с сожалением поднялся и направился к выходу. Открыл дверь и внезапно вспомнил о многочисленных возвышениях пола. Ведь эти широкие ступени представляли собой идеальный тайник. Я вернулся туда, где сидел, и принялся простукивать боковые стороны возвышений. Они издавали пустой звук. Я спустился в подвал, в маленькую рабочую комнатку, схватил первые попавшиеся инструменты и тут же снова поднялся на первый этаж. За двадцать минут я вскрыл все семь возвышений в гостиной Бёма, стараясь ничего не сломать. У меня в руках оказались три больших конверта из плотной вощеной бумаги, запечатанные, покрытые пылью и неподписанные.

Я сел в машину и покатыл в сторону холмов, нависавших над Монтрё: мне хотелось найти уединенное место. Проехав около десяти километров, я повернул на пустынную дорогу и остановился в лесу, еще мокрым от росы. Дрожащими руками я вскрыл первый конверт.

В нем была медицинская карта Ирен Бём, в девичестве Ирен Фогель, родившейся в 1942 году в Женеве. Скончалась она в августе 1977 года в госпитале Бельвю в Лозанне от обширной раковой опухоли. В папке лежали только результаты рентгенографических и других исследований, несколько рецептов и в самом конце – свидетельство о смерти, телеграмма на имя Макса Бёма да письмо с соболезнованиями от доктора Лирбаума, лечащего врача Ирен. Я взглянул на конверт. На нем значился адрес, по которому проживал Макс Бём в 1977 году: дом 66, улица Бокассы, Банги, Центральная Африка. Мое сердце бешено заколотилось. Последним местом пребывания Бёма в Африке была Центрально-африканская империя. Место, печально известное безумными выходками ее тирана – императора Бокассы. Кусок непроходимых джунглей,

знойных и влажных, затерявшийся где-то в самом сердце Африки – затерявшийся в моем далеком прошлом.

Опустив стекло, я глотнул свежего воздуха, потом продолжил изучать содержимое конверта. Наткнулся на фотографии хрупкой супруги Макса, а также на другие снимки, где Макс был изображен с подростком лет тринадцати. Их сходство просто поражало: мальчик был таким же плотным, с такими же коротко стриженными светлыми волосами, с темными глазами и мускулистой шеей сильного зверя. Однако в его мечтательном взгляде таилось легкомыслие, совершенно не вязавшееся с непреклонностью Бёма. Снимки явно относились к тому же периоду – к семидесятым годам. Семья в сборе: отец, мать, сын. Вот только зачем Бёму понадобилось прятать такие обычные фотографии в тайнике под полом? И где сейчас его сын?

Во втором конверте был только рентгеновский снимок грудной клетки, без даты, без имени, без описания. Не вызывало сомнений только то, что на размытой картинке явно просматривались очертания сердца. И в самом его центре выделялось маленькое белесое пятно с четкими контурами: трудно сказать, был ли это дефект пленки или какой-то плотный светлый шарик внутри сердечной мышцы. Я вспомнил о трансплантации. Передо мной, несомненно, было изображение одного из двух сердец швейцарца. Первого или второго? Я аккуратно спрятал листок в конверт.

Наконец настал черед третьего конверта: я открыл его и остолбенел. Невозможно представить себе зрелище ужаснее того, что предстало перед моими глазами. Множество черно-белых снимков, запечатлевших картину страшной резни: детские трупы, подвешенные на крюках, будто марионетки из человеческой плоти, только вместо рук и половых органов у них кровавые сгустки; мертвые лица с разодранными губами и пустыми глазницами; руки, ноги, другие части тела, отрубленные и сваленные в кучу, точно в лавке мясника; головы в корках запекшейся крови, раскатившиеся по столу и вззирающие на зрителя сухими невидящими глазами. Это были трупы людей негроидной расы, все без исключения.

Фотографии изображали не просто место, куда наспех свозили мертвецов. В этом мерзком помещении стены сверкали белой плиткой, словно в больнице или морге, там и сям лежали блестящие металлические инструменты. Скорее всего, здесь была оборудована какая-то жуткая лаборатория или устроена камера пыток. Тайное логово чудовища, предающегося мерзким занятиям. Я вышел из машины. Отвращение и тошнота сдавили мне грудь. Освеженный утренней прохладой, я долго стоял так, время от времени бросая взгляд на фотографии. Я хотел ощутить их материальность, подчинить их своему сознанию, чтобы не выпустить их за рамки реальности. У меня ничего не вышло. Кричащая откровенность снимков, отпечатанных на крупнозернистой бумаге, создавала ощущение незримого присутствия где-то рядом со мной целой армии мертвецов. Кто и зачем учинил все эти зверства?

Я снова сел в машину, сложил все три конверта и поклялся в ближайшее время в них не заглядывать. Включил зажигание и поехал вниз, в Монрё. В глазах у меня стояли слезы.

5

Я направился к центру города, чтобы попасть на улицу, идущую параллельно берегу озера. Запарковал машину на стоянке гостиницы «Ля Террас», светлой и величественной. Вяло плещущиеся волны Женевского озера сверкали под лучами солнца. Словно внезапно все вокруг озарилось золотым сиянием. Я расположился за столиком в саду гостиницы, лицом к озеру и горам в легкой дымке, обрамляющим пейзаж.

Несколько минут спустя появился официант. Я заказал охлажденный китайский чай. Решил немного поразмыслить. Смерть Бёма. Какие-то тайны, связанные с его сердцем. Утренние раскопки и пугающие находки. Пожалуй, многовато для обычного студента, собравшегося искать пропавших аистов.

– Последняя прогулка перед отъездом?

Я обернулся. Передо мной стоял тщательно выбритый инспектор Дюма. Он был в легкой полотняной куртке коричневого цвета и светлых льняных брюках.

– Как вы меня нашли?

– Это сущий пустяк. Вы все сюда приходите. Как будто все улицы Монтрё ведут к озеру.

– Кто это «вы все»?

– Гости. Туристы. – Он указал подбородком на людей, совершавших утреннюю прогулку вдоль берега. – Знаете, это очень романтичный уголок. Говорят даже, что здесь витает дух вечности. Здесь словно попадаешь в атмосферу «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо. Поведаю вам одну тайну: меня просто тошнит от всех этих избитых фраз. Думаю, большинство швейцарцев относятся к этому так же, как и я.

Я изобразил на лице улыбку.

– Вы, оказывается, можете быть циником. Выпьете что-нибудь?

– Да, кофе. Покрепче.

Я подзвал официанта и попросил принести один эспрессо. Дюма сел рядом со мной. Надел солнечные очки и молча стал ждать свой кофе. Он с серьезным видом внимательно рассматривал пейзаж. Когда принесли кофе, он выпил его одним глотком и вздохнул:

– Я ни на секунду не присел с того момента, как мы с вами расстались. Сначала разговаривал с доктором Варель. Помните, такая маленькая, насквозь прокуренная, в окровавленном халате. Она здесь недавно. Сомневаюсь, что она ожидала увидеть нечто подобное. – Дюма расхохотался. – Две недели, как приехала в Монтрё, и на тебе: ей приносят орнитолога, найденного в гнезде аистов и наполовину съеденного собственными птицами! Ну да ладно. После больницы я заехал к себе переодеться. Потом отправился в комиссариат, чтобы обобщить то, что вы мне рассказали. – Дюма похлопал по карману куртки. – Ваши показания у меня с собой. Вы сможете сейчас их подписать. Незачем вас дергать. После комиссариата я решил совершить набег на дом Макса Бёма. То, что я там нашел, заставило меня сделать несколько телефонных звонков. За каких-нибудь полчаса я получил ответы на все мои вопросы. И вот я здесь!

– Каковы же ваши выводы?

– Вот в том-то все и дело. У меня нет никаких выводов.

– Не понимаю.

Дюма снова сложил руки и оперся ими о стол, потом повернулся ко мне и произнес:

– Я ведь вам уже говорил: Макс Бём был у нас знаменитостью. Значит, нужно сделать так, чтобы он отошел в мир иной спокойно и достойно. Как-то так, чтобы всем все было ясно и понятно.

– А на самом деле разве все не так?

– И да, и нет. Сама его кончина, кроме необычности места, где она произошла, вопросов не вызывает. Сердечный приступ. Тут не о чем говорить. Но со всем остальным сплошные неувязки. Я вовсе не собираюсь порочить память великого человека, вы же понимаете?

– Вы не хотите сказать мне, что у вас не сходится?

Дюма уставился на меня сквозь темные стекла очков:

– Это уж скорее вы могли бы мне что-нибудь сообщить.

– Что вы имеете в виду?

– Какова истинная цель вашего появления у Макса Бёма?

– Я вам все уже рассказал сегодня ночью.

– Вы солгали. Я проверил некоторые детали. У меня появились доказательства, что вы говорили неправду.

Я ничего ему не ответил. Дюма продолжал:

– Когда я немного порылся в шале Бёма, я понял, что до меня там уже побывали. Я бы сказал, прямо у меня под носом, потому что туда наведались за несколько минут до моего прихода. Я тут же позвонил в «Экомузей», где у Бёма тоже есть кабинет. У такого человека, как он, должны храниться дубликаты многих документов. Его секретарша, ранняя пташка, согласилась заглянуть в его бумаги и выудила из какого-то ящика одну невообразимую папку, в которой было все о пропавших аистах. Она тут же переслала мне по факсу основные страницы из дела. Мне продолжать?

Теперь настала моя очередь созерцать волны Женевского озера. На фоне пылающего горизонта вдаль виднелись крохотные парусники.

– Потом выяснилось, что есть еще банк. Я позвонил в агентство Бёма. Орнитолог только что перечислил крупную сумму денег. У меня имеются имя, адрес и номер счета получателя.

Между нами повисло напряженное молчание. Это ледяное молчание обжигало, как холодный утренний воздух, и готово было разбиться на осколки и разлететься в разные стороны. Я заговорил первым:

– Похоже, вы уже сделали вывод.

Дюма улыбнулся, снял очки.

– Да, кое-какие мысли имеются. Думаю, вы запаниковали. Ведь со смертью Бёма все не так уж просто. Начнется расследование. А тут как раз вы только что получили от него солидную сумму за выполнение особого поручения и, неизвестно почему, здорово напугались. Вы забрались к нему в дом, чтобы стащить ваше досье и уничтожить следы ваших отношений. Вовсе не подозреваю вас в том, что вы хотели оставить себе эти деньги. Наверное, вы собирались их вернуть. Но кража со взломом – это довольно серьезно...

Я подумал о трех конвертах. И поспешно ответил:

– Инспектор, Макс Бём предложил мне работу, но речь шла только об аистах. Я не вижу в этом ничего подозрительного. В самое ближайшее время я верну ассоциации деньги, перечисленные...

– Никакой ассоциации не существует.

– Что-что?

– Нет никакой ассоциации, во всяком случае, в том смысле, в каком вы это понимаете. Бём работал один, он был единственным членом Ассоциации защиты европейского аиста. Он держал несколько наемных работников, закупал оборудование, арендовал помещения. Бём не нуждался ни в чьих деньгах. Он сам владел огромным состоянием.

От изумления я потерял дар речи. Дюма тем временем продолжал говорить:

– Его лицевой счет составлял более ста тысяч швейцарских франков. И к тому же Бём наверняка имел анонимные номерные счета в наших банках, и не в одном. На определенном этапе своей жизни орнитолог занимался весьма доходным делом.

– Что вы намерены делать?

– В данный момент ничего. Ведь этот человек мертв. Судя по всему, родственников у него нет. Я уверен, что он завещал свои деньги какой-нибудь международной организации вроде Всемирного фонда дикой природы или Гринписа. Следовательно, инцидент исчерпан. Тем не менее я хотел бы поглубже покопаться в этом деле. И мне нужна ваша помощь.

– Моя помощь?

– Вы что-нибудь нашли у Бёма сегодня утром?

В моей голове молнией сверкнуло воспоминание о трех конвертах.

– Кроме моего собственного досье, ничего.

Дюма недоверчиво улыбнулся. Он поднялся и предложил:

– Может, прогуляемся?

Я поплелся по берегу следом за ним.

– Допустим, вы ничего не нашли, – снова заговорил Дюма. – Ведь, в конце концов, Бём был человек осторожный. Я уже навел о нем справки сегодня утром. И почти ничего не узнал. Ни о его прошлом. Ни о таинственной операции. Вы ведь помните: у него трансплантировано сердце. Очередная загадка. Знаете, что мне поведала доктор Варель? Что в новом сердце Бёма находился странный предмет, инородное тело, совершенно там ненужное. Крохотная капсула из титана – из него делают некоторые протезы, – зашитая в верхней части сердца. Обычно на пересаженное сердце ставят специальную скобу, чтобы легче было производить биопсию. Но здесь совсем другое дело. По словам Варель, у этой штуки нет никакого практического предназначения.

Я молчал и думал о светлом пятнышке на рентгеновском снимке. Значит, у меня находится изображение его второго сердца. Чтобы как-то закончить разговор, я спросил:

– И чем же я мог бы вам помочь, инспектор?

– Бём ведь вам заплатил, чтобы вы проследили маршрут миграции аистов. Вы собираетесь это сделать?

– Нет. Я решил вернуть деньги. Может, аисты просто решили покинуть Швейцарию и Германию, или их поглотил гигантский смерч – я-то что могу поделаться? Плевал я на них.

– Очень жаль. Это путешествие могло бы принести большую пользу. Я начал в общих чертах восстанавливать биографию инженера Макса Бёма. Ваша поездка, вероятнее всего, позволила бы заглянуть в его прошлое, связанное с Африкой и Ближним Востоком.

– Что вы задумали?

– Поработать с вами в паре. Я – здесь. Вы – там. Я раскопаю все, что касается его денег и его операции. Я получу сведения о том, где и когда он бывал в командировках. А вы со своей стороны пройдете непосредственно по его следу – по маршруту полета аистов. Мы будем постоянно держать связь. Не пройдет и пары месяцев, как мы вытащим на свет божий всю жизнь Макса Бёма. Все его тайны, все его добрые дела и темные делишки.

– Темные делишки?

– Это я просто так сказал.

– Мне-то какая выгода от всей этой истории?

– Чудесное путешествие. Отсутствие претензий со стороны швейцарской полиции. – Дюма похлопал по карману куртки. – Мы вместе подпишем ваши показания. И забудем об их существовании.

– Ну а вы-то что выигрываете?

– Многое. Во всяком случае, это гораздо интереснее, чем разбираться с украденными дорожными чеками или пропавшими пуделями. Августовские будни в Монтрё – вовсе не подарок, уверяю вас, мсье Антиош. Сегодня ночью я не поверил вам, когда вы говорили о своих занятиях. Предмету, не вызывающему восхищения, не отдадут десять лет своей жизни. Я ведь тоже вам врал: я влюблен в свою работу. Только она не отвечает мне взаимностью. Даже самый долгий день когда-нибудь кончается, и огорчения забываются. Я хочу заняться чем-то более

серьезным. Судьба Бёма – любопытнейший объект для расследования, а в команде мы многого добьемся. Вы же интеллектual, неужели эта головоломка вас не прельщает? Подумайте.

– Я возвращаюсь во Францию и позвоню вам завтра. Ведь мои показания могут подождать день-другой, не так ли?

Инспектор улыбнулся и кивнул. Он проводил меня до машины и на прощание протянул руку. Я уклонился от рукопожатия, усаживаясь за руль. Дюма снова улыбнулся и придержал дверцу автомобиля, не давая мне ее захлопнуть. Немного помедлив, он спросил:

– Можно я задам вам бестактный вопрос?

Я коротко кивнул в знак согласия.

– Что случилось с вашими руками?

Этот вопрос меня обезоружил. Я посмотрел на свои пальцы, искалеченные, покрытые бесчисленными шрамами, – они выглядели так уже много лет. Я пожал плечами:

– Произошел несчастный случай, когда я был еще маленьким. Я жил у няни, она занималась крашением тканей. Как-то раз один из бачков с кислотой упал, и его содержимое попало мне на руки. Больше мне нечего добавить. Все воспоминания стерлись от шока и боли.

Дюма продолжал рассматривать мои руки. Должно быть, он заметил мои увечья еще ночью, а теперь мог удовлетворить свое любопытство и разглядеть их во всех деталях. Я резко захлопнул дверцу машины. Дюма уставился на меня, затем добавил елеиным голосом:

– Эти рубцы никак не связаны с тем несчастным случаем, что произошел с вашими родителями?

– Откуда вы знаете, что с моими родителями произошел несчастный случай?

– У Бёма весьма подробное досье.

Я рванул с места и покотил по набережной, даже не взглянув в зеркало заднего вида. Проехав несколько километров, я уже позабыл о несносных расспросах инспектора. В полной тишине я ехал по направлению к Лозанне.

Вскоре на залитом солнцем поле я заметил скопление черно-белых пятнышек. Я остановил машину и подошел поближе, стараясь не шуметь. Посмотрел в бинокль и увидел аистов: это были именно они. Я приблизился к ним еще немного. В золотистом свете их нежное оперение напоминало бархат. Блестящий, плотный, шелковистый. По натуре я не большой любитель животных, но эти птицы, поглядывавшие в мою сторону с видом оскорбленных аристократов, действительно вызвали особенные чувства.

Здесь, в полях Вейсембаха, мне вспомнился Бём. Он выглядел таким счастливым, когда показывал мне свой маленький мир. Невысокий и широкоплечий, он стремительно несся сквозь густые посевы прямо к своему питомнику. Несмотря на полноту, двигался он с необычайной легкостью и гибкостью. В рубашке с короткими рукавами, полотняных брюках и с биноклем на шее он напоминал полковника в отставке, планирующего очередной маневр против воображаемого противника. Войдя внутрь вольера, Бём заговорил с птицами тихим голосом, полным нежности. Однако сначала птицы все же разбежались, бросая на нас пугливые взгляды.

Потом Бём подошел к гнезду, построенному в метре от земли. Это был венок из веток и земли, больше метра в диаметре, ровный, плоский и аккуратный внутри. Аистиха неохотно снялась с места, и Бём показал мне птенцов, сидящих в центре гнезда: «Шесть малышей, можете себе представить?» Маленькие аистята были покрыты сероватыми, отливающими зеленым перышками. Они таращили и без того круглые глаза и прижимались друг к другу. Внезапно я ощутил странную атмосферу теплоты, как у домашнего очага. Мягкий вечерний свет придавал этой сцене необъяснимую значительность. Внезапно Бём шепнул мне: «Трогательно, правда?» Я посмотрел ему прямо в глаза и согласно кивнул в ответ.

На следующий день утром Бём передал мне толстую папку со сведениями о тех, с кем мне предстояло связаться, а также карты и фотографии, и когда мы поднимались по лестнице из

его кабинета, швейцарец остановил меня и сурово произнес: «Думаю, вы хорошо меня поняли, Луи. Это дело для меня необычайно важно. Непременно нужно отыскать моих аистов и разобраться в том, почему они исчезают. Это вопрос жизни и смерти!» На плохо освещенной лестнице я с трудом мог разглядеть лицо Бёма, но его выражение привело меня в ужас. Передо мной была белая маска, совершенно застывшая, словно готовая потрескаться. Мне стало ясно, что Бём чего-то смертельно боится.

Вдалеке птицы неспешно поднимались в воздух. Я проследил, как они медленно летели, рассекая светлое утреннее небо. С улыбкой на губах я пожелал им счастливого пути и отправился дальше.

На вокзале в Лозанне я очутился в половине первого. Скоростной экспресс до Парижа отправлялся через двадцать минут. Я нашел телефонную кабину в вестибюле вокзала и набрал свой номер, чтобы прослушать автоответчик. Мне звонил Ульрих Вагнер, немецкий биолог, с которым я встретился около месяца назад, готовясь на время стать орнитологом. Ульрих и его команда собирались следить за миграциями аистов через спутники. Они снабдили двадцать птиц миниатюрными японскими радиопередатчиками и таким образом теперь могли каждый день с высокой точностью определить их местонахождение с помощью поисковой системы «Аргус». Они предложили мне ознакомиться с полученными данными. Таким образом, они могли бы оказать мне неоценимую помощь, избавив от необходимости выискивать едва различимые колечки на лапках птиц. Его сообщение звучало так: «Началось, Луи! Они улетают! Система работает безукоризненно. Перезвоните мне. Я продиктую вам номера аистов и сообщу их координаты. Удачи!»

Получалось, что эти птицы буквально преследовали меня. Я вышел из телефонной кабинки. Пассажиры целыми семьями сновали по перрону; их щеки пылали от возбуждения, а огромные дорожные сумки били их по ногам. Туристы с любопытным и благодушным видом неторопливо куда-то направлялись. Я внимательно посмотрел на часы и зашагал к стоянке такси. На сей раз мой путь лежал в аэропорт.

II София. Схватка

6

Сев в Лозанне на самолет, доставивший меня в Вену, я взял напрокат машину и к вечеру прибыл в Братиславу.

Макс Бём говорил мне, что первым пунктом моего путешествия должен быть именно этот город. Аисты из Германии и Польши каждый год пролетают через этот район. Дальше я мог перемещаться так, как сочту нужным, отыскивать птиц и следовать за ними, руководствуясь указаниями Вагнера. Кроме всего прочего, у меня были имя и адрес словацкого орнитолога Жоро Грыбински, говорившего по-французски. Я вступал в область познания.

Братислава представляла собой большой серый и безликий город, расчерченный длинными улицами и глыбами домов на равные прямоугольники, между которыми сновали маленькие красные и пастельно-голубые машинки, выпускающие облака черного дыма и, судя по всему, задавшиеся целью отравить весь город. Ощущение удушья усиливалось от невыносимой жары. И все же я впитывал каждый новый образ, каждую деталь новой для меня обстановки. Смерть Бёма, утренние тревоги и страхи словно удалились от меня на расстояние нескольких световых лет.

В записях Макса Бёма значилось, что Жоро Грыбински работал таксистом на Центральном вокзале Братиславы. Я без труда нашел стоянку. Водители автомобилей «Шкода» и «Трабант» мне сообщили, что рабочий день Жоро заканчивается в семь вечера. Они посоветовали подождать его в маленьком кафе напротив вокзала. Я подошел к террасе, где за столиками теснились немецкие туристы и хорошенькие секретарши. Заказав чашку чая, я попросил официанта предупредить меня, когда появится Жоро, потом продолжил рассматривать все, что попадало в поле моего зрения. Я наслаждался тем, как далеко сейчас от меня моя прежняя жизнь. В Париже я жил в просторной дорогой квартире на пятом этаже дома, расположенного в центре, на бульваре Распай. Из шести комнат, имевшихся в моем распоряжении, я пользовался только тремя: гостиной, спальней и кабинетом. Но я очень любил разгуливать по этим обширным помещениям, где царили пустота и безмолвие. Квартира была подарком моих приемных родителей – очередным проявлением их щедрости, значительно облегчавшим мне жизнь, но совершенно не вызывавшим благодарности. Я терпеть не мог обоих стариков.

В моих глазах они были просто безликими обывателям, которые заботились обо мне издалека. За двадцать пять лет они написали мне всего несколько писем и встречались со мной, если посчитать, раз пять, не больше. Они вели себя так, словно дали моим погибшим родителям некое обещание и теперь, соблюдая предосторожность, выполняют его, преподнося мне подарки и выписывая чеки. Уже давным-давно я не ждал от них ни малейшего проявления нежности. Я продолжал тратить их деньги, хотя и вычеркнул этих двоих из своей жизни, – впрочем, все же втайне испытывая горечь.

В последний раз я видел Бреслеров в 1982 году – в тот день, когда они вручили мне ключи от квартиры. Пожилая пара выглядела не самым лучшим образом. Нелли уже исполнилось пятьдесят. Маленькая и сухая, как черствая корка, она носила голубоватый парик и без конца сдавленно хихикала: ее смешки напоминали чириканье воробьев, запертых в тесной клетке. Она была пьяна с утра до вечера. Что касается Жоржа, он тоже имел отнюдь не блестящий вид. Бывший посол Французской Республики, друг Андре Жида и Валери Ларбо, отныне он, судя по всему, предпочитал находиться в компании серых журавлей, нежели в обществе своих

современников. Впрочем, теперь он изъяснялся только односложными словами или покачивал головой.

Сам я вел довольно уединенный образ жизни. Я не обзавелся подругой, у меня почти не было друзей, я редко выходил. Всего этого, вместе и в отдельности, я достаточно вкусил в двадцать лет. Я решил, что узнал все, что хотел. И вот в том возрасте, когда все торопится жить, бегают по вечеринкам и пускаются во все тяжкие, я предпочел одиночество, аскетизм и науки. Добрый десяток лет я таскался по библиотекам, делал пометки и писал, вынашивая почти тысячу страниц своих раздумий. Я посвятил себя великому абстрактному миру мысли и реальности своих одиноких будней, когда компанию мне составлял один лишь мерцающий экран компьютера.

Единственной моей прихотью был дендизм. Я всегда испытывал затруднение, пытаюсь описать свой внешний облик. В моем лице всего понемногу. С одной стороны, в нем есть определенная утонченность: четкие линии, оттененные ранними морщинками, резко очерченные скулы, высокий лоб. С другой стороны, у меня тяжелые веки, массивный подбородок, пористая кожа на носу. Тело мое тоже нельзя назвать совершенным. Несмотря на высокий рост и некоторую элегантность, я довольно коренастый и мясистый. Поэтому я неизменно с особой тщательностью подбирал себе одежду. Я всегда носил пиджаки изысканного покроя и брюки с безупречными стрелками. В то же время я с удовольствием использовал смелые цвета, рисунки, мелкие детали. Я принадлежал к числу тех, кто, надевая красную сорочку или пиджак на пяти пуговицах, считает это подлинно экзистенциальным актом. Каким теперь все это казалось далеким!

Солнце над Братиславой клонилось к закату, и я наслаждался каждой минутой, ловя обрывки фраз на незнакомом мне языке, вдыхая едкие выхлопы страдальчески хрипящих машин.

Ровно в девятнадцать тридцать передо мной возник какой-то человек и спросил:

– Вы Луи Антиош?

Я встал, чтобы его поприветствовать, незаметно спрятав руки в карманы. Жоро тоже не подал мне руки.

– А вы, должно быть, Жоро Грыбински?

Он согласно кивнул с не самым приветливым видом. Он походил на ураган. На лоб падали крутые седые завитки. Глубоко сидящие глаза метали искры. Рот надменно кривился. Ему было лет пятьдесят. Одежда его представляла собой совершенно омерзительное тряпье, но ничто не могло испортить благородства его лица и жестов.

Я объяснил ему, для чего приехал в Братиславу, заявил, что хочу отыскать перелетных птиц. Его лицо просияло от радости. Он тут же сообщил, что уже двадцать лет ведет наблюдение за белыми аистами и знает здесь все места их остановок. Его рубленые французские фразы звучали весомо, как философские изречения. В свою очередь я рассказал ему о принципах эксперимента со спутниковой системой обнаружения и о том, что я буду получать точные данные о местонахождении птиц. Он внимательно меня выслушал, и на его губах заиграла улыбка. «Чтобы найти аистов, спутник не нужен. Пойдемте».

Мы сели в машину – сияющую чистотой «Шкоду». На выезде из Братиславы нас встретили огромные промышленные комбинаты, над которыми возвышались кирпичные трубы, полностью в духе социалистической символики. Нас преследовали усиленные жарой жуткие неотвязные запахи – тошнотворные, раздражающие. Дальше тянулись гигантские карьеры, населенные металлическими чудовищами. Наконец показались поля, пустынные и голые. Индустриальное зловоние сменилось запахом удобрений. Казалось, все вокруг было посвящено сверхпроизводству, истощавшему силы земли.

Мы ехали среди полей пшеницы, риса, кукурузы. Вдалеке виднелись тяжелые тракторы, вздымавшие тучи колосьев и пыли. Солнце палило уже не так нещадно, воздух стал прозрач-

нее. Ведя машину, Жоро одновременно внимательно вглядывался в горизонт, видел то, чего не видел я, и останавливался в тех местах, которые, как мне казалось, не отличались от других.

Наконец, он повернул на узкую каменистую дорогу, где царили тишина и покой. Теперь мы ехали вдоль застывшей зеленой лагуны. Вокруг сновало множество птиц. Цапли, журавли, коршуны, волоклюи то и дело проносились мимо, как артиллерийские снаряды. И никаких бело-черных птиц. Жоро досадливо поморщился. Отсутствие аистов казалось ему событием из ряда вон выходящим. Мы стали ждать. Жоро, бесстрастный, как статуя, не выпускал из рук бинокля. Я сел рядом с ним на раскаленную землю. Воспользовавшись паузой, я решил расспросить его:

– Вы занимаетесь кольцеванием аистов?

Жоро опустил бинокль.

– А зачем? Они улетают, потом возвращаются. Зачем их нумеровать? Я просто знаю, где они гнездятся, вот и все. Из года в год каждая птица возвращается в свое собственное гнездо. Все происходит с математической точностью.

– Вам удастся разглядеть окольцованных птиц во время перелета?

– Да, конечно, некоторых я вижу. Даже веду им счет.

– Ведете счет?

– Я стараюсь разглядеть номера и записываю их. Фиксирую место, дату, время. За это я получаю вознаграждение. От одного швейцарца.

– Макса Бёма?

– От него самого.

Макс не предупредил меня, что Жоро один из его «часовых».

– И как давно вы получаете от него деньги?

– Лет десять.

– Почему он это делает, как вы думаете?

– Потому что он сумасшедший.

Жоро повторил: «Сумасшедший», – и покрутил пальцем у виска.

– Весной, когда аисты возвращаются, Бём звонит мне каждый день: «Ты видел номер такой-то? А такой-то? А вот еще такой-то видел?» В эту пору он бывает просто не в себе. Когда наступает май и все птицы уже на месте, он вздыхает с облегчением и перестает мне названивать. В нынешнем году произошло что-то ужасное. Из множества птиц вернулись единицы. Я думал, он не переживет. Однако все обошлось, он продолжает мне платить, а я выполняю свои обязанности.

Жоро внушал мне доверие. Я решил не сообщать ему, что швейцарец умер, и объяснил, что тоже работаю на Макса Бёма. Благодаря этому между нами установились вполне дружеские отношения. Поначалу в глазах Жоро я был пришельцем с Запада, богатым ничтожеством. Однако узнав, что мы оба работаем на одного и того же человека, он тут же стал более открытым. Теперь он обращался ко мне на «ты». Я достал фотографии аистов и пошел в наступление:

– У тебя есть какие-нибудь соображения по поводу исчезновения наших птиц?

– Исчезли только определенные птицы.

– Что ты имеешь в виду?

– Не вернулись только окольцованные аисты. Главным образом те, у которых было по два колечка.

Эта информация имела огромное значение. Жоро взял у меня из рук фотографии.

– Посмотри-ка, – произнес он, протягивая мне несколько снимков. – Большая часть птиц окольцована дважды. Видишь, у них два колечка, – настойчиво повторил он. – И оба на правой лапке под суставом. Это означает, что все они какое-то время не могли летать.

– То есть?

– В Европе принято в первый раз кольцевать аистят, когда они еще не умеют летать. А чтобы надеть второе колечко, надо, чтобы спустя какое-то время птица снова, по той или иной причине, оказалась не в состоянии летать: например, она заболела, или ее ранили. Тогда-то ей и надевают второе кольцо. И фиксируют на нем время ее лечения. Вот здесь это хорошо видно, смотри.

Жоро протянул мне снимок. На двух колечках можно было отчетливо различить две даты: апрель 1984-го и июль 1987 года. Следовательно, в трехлетнем возрасте этот аист попал на лечение к Макс Бёму.

– Я вел записи, – добавил Жоро. – В семидесяти процентах случаев исчезали именно дважды окольцованные аисты. Калеки.

– И что ты об этом думаешь? – спросил я.

Жоро пожал плечами:

– Может, в Африке, Израиле или Турции появилась какая-нибудь болезнь. Может, именно такие аисты менее выносливы, чем другие. Может, колечки мешают им нормально добывать пищу среди растительности. Не знаю.

– Ты говорил об этом Бёму?

Жоро меня уже не слышал. Он поднес к глазам бинокль и тихонько пробормотал:

– Ага. Вот они. Там...

Прошло несколько секунд, и в небе появилась струящаяся и колышущаяся стая птиц светлой окраски. Они приближались. Жоро выругался по-словацки. Он ошибся: это были не аисты. Прямо над нашими головами на довольно большой высоте пролетели цапли. Тем не менее Жоро продолжал наблюдать за ними просто из удовольствия. В волнующей тишине летнего вечера я наблюдал за поведением хищных птиц. Меня поразили их удивительное изящество и легкость, так не свойственные человеческим существам. Глядя на этих пернатых, я понял, что нет ничего более таинственного, чем мир птиц, чем их природная грация, когда они мчатся, рассекая крыльями небо.

Наконец, Жоро тоже уселся на землю, пристроившись рядом со мной, и отложил в сторону бинокль. Он принялся свертывать сигарету. Я посмотрел на него и понял, почему он не захотел пожать мне руку. Его руки были изуродованы ревматизмом. Первые фаланги пальцев скрючились под прямым углом. Как у актера Жюль Берри, умело использовавшего свое увечье в довоенных картинах. Как у Джона Кэррадайна, снимавшегося в фильмах ужасов: тот не мог даже пошевелить своими окаменевшими костяшками. Между тем Жоро свернул папиросу за несколько секунд. Прежде чем закурить, он вновь заговорил:

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два.

– Там, у себя во Франции, где ты живешь?

– В Париже.

– Ах, Париж, Париж...

В устах этого пожилого человека затасканное восклицание приобрело неожиданно глубокий смысл. Жоро закурил папиросу и устремил взгляд к горизонту.

– Бём заплатил тебе, чтобы ты отправился вслед за аистами?

– Именно так.

– Классная работенка! Думаешь, тебе удастся разведать, что с ними произошло?

– Надеюсь.

– Я тоже надеюсь. Ради Бёма. Если не получится, он помрет.

Я помолчал, потом решил:

– Жоро, Макс Бём умер.

– Умер? Да, малыш, это меня не удивляет.

Я рассказал ему об обстоятельствах смерти Бёма. Судя по всему, Жоро не слишком опечалился. Разве только из-за того, что ему больше не придется получать деньги. Я почувствовал, что ему не слишком нравились ни швейцарец, ни орнитологи вообще. Он презирал этих людей, считавших аистов своей собственностью, чуть ли не своей домашней птицей. Что явно не имело ничего общего с жизнью тысяч пернатых, свободно летавших в небе Востока там, где им хочется.

Вместо некролога Жоро поведал о том, как Макс Бём в 1982 году приехал в Братиславу, чтобы поручить ему эту работу. Швейцарец предложил жалованье в несколько тысяч чешских крон только за то, чтобы Жоро каждый год следил за перелетом аистов. Жоро принял его за сумасшедшего, но без колебаний согласился.

– Странно, что ты расспрашиваешь меня об этих птицах, – задумчиво произнес он, затягиваясь сигаретой.

– Почему?

– Потому что ты не первый. В апреле ко мне приезжали два странных типа и задавали те же вопросы.

– Кто они?

– Не знаю. Они были совсем не похожи на тебя, малыш. Думаю, они болгары. Две мерзкие скотины, один длинный, другой коротышка: я бы свой чемодан им стеречь не оставил. Болгары, они все негодяи, это всем известно.

– Почему они интересовались аистами? Они что, орнитологи?

– Они сказали, что являются членами международной организации «Единый мир» и проводят опрос по экологическим проблемам. Яне поверил ни единому их слову. Оба мерзавца сильно смахивали на шпионов.

«Единый мир». Я припомнил, что где-то уже слышал это название. Международная ассоциация, организующая гуманитарные акции по всей планете, в частности, в районах военных действий.

– Что ты им сказал?

– Ничего, – ответил Жоро и улыбнулся. – Они уехали. Вот и все.

– Они упоминали Макса Бёма?

– Нет. Не похоже, чтобы они знали кого-то из среды орнитологов. Говорю тебе, они шпионы.

В половине десятого совсем стемнело. Мы не видели ни одного аиста, зато я узнал много интересного. Вечер завершился в Сароваре, деревне, где жил Жоро, несколькими кружками чешского пива «Будвайзер» под аккомпанемент местных жителей, что-то оглушительно вешавших на родном языке. На головах мужчин красовались фетровые шапочки-пилотки, а женщины были замотаны в длинные фартуки. Все невыносимо громко орали, и Жоро громче всех: его обычная элегантность куда-то улетучилась. Ночь была теплая, и, несмотря на густой запах подгоревшего жира, я наслаждался временем, проведенным среди этих веселых людей, принимавших меня просто и радушно. Потом Жоро отвез меня в Братиславу, в «Хилтон», где Макс Бём зарезервировал мне номер. Я предложил Жоро платить ему какое-то время, чтобы мы могли вместе заняться поисками аистов. Словак улыбнулся в знак согласия. Оставалось лишь надеяться, что птицы встретятся нам в ближайшие дни.

7

Каждое утро в пять часов Жоро заезжал за мной, потом мы выпивали по чашке чаю на маленькой площади в Сароваре, светившейся в ночной синеве. После этого мы немедленно отправлялись в путь. Сначала по холмам, возвышающимся над Братиславой и над скрывающей ее едкой дымовой завесой. Аисты попадались нам редко. Иногда около одиннадцати утра внезапно появлялась стая птиц, но летела она так высоко, что ее едва можно было разглядеть. Пять сотен пернатых с белым и черным оперением, гонимых вперед безошибочным инстинктом. Их полет по спирали приводил меня в изумление: я-то считал, что они летят строго по прямой, держа крылья под углом и вытянув клюв. Мне вспомнились слова Макса Бёма: «Белый аист редко машет крыльями во время миграции, он планирует, используя теплые воздушные потоки, несущие его вперед. Это нечто вроде невидимых каналов, порожденных атмосферными процессами...» Таким образом, птицы летят точно на юг, скользя по струе горячего воздуха.

По вечерам я сверялся со спутниковыми данными. Я получал географические координаты каждого аиста: широту и долготу, с точностью до минут. С помощью карты я без труда определял направление и дальность их передвижений. В моем портативном компьютере имела цифровая карта Европы и Африки, где отмечалось местоположение птиц. Таким образом, я с удовольствием мог следить на экране за перемещением птиц.

Аисты делились на два типа. Аисты из Западной Европы, направляющиеся в Северную Африку, летели над Испанией и Гибралтарским проливом. По пути к ним присоединялись еще многие тысячи особей, и все вместе они добирались до Мали, Сенегала, Центральной Африки или Конго. Аисты с Востока, раз в десять превосходившие по численности западных, отправлялись в путь из Польши, России и Германии. Они пролетали над проливом Босфор, достигали Ближнего Востока и, миновав Суэцкий канал, оказывались в Египте. Дальше их путь лежал через Судан и Кению и завершался в Южной Африке. Такое путешествие составляло двадцать тысяч километров.

Из двадцати аистов, снабженных радиомаяками, двенадцать отправились по восточному, а остальные – по западному маршруту. Восточные аисты следовали обычной дорогой: сначала Берлин, потом через Восточную Германию до Дрездена, дальше вдоль польской границы в Чехословакию, к Братиславе, где я их и поджидал. Система спутникового слежения работала превосходно. Ульрих Вагнер был в полном восторге: «Это же просто фантастика! – заявил он мне по телефону в третий вечер моего пребывания в Братиславе. – Понадобились десятилетия, чтобы с помощью наблюдения за окольцованными птицами хотя бы приблизительно установить маршрут их миграции. Благодаря электронике мы за какой-нибудь месяц будем точно знать, где и в какие сроки аисты совершают свой перелет».

В те дни мне уже начало казаться, что Швейцария и ее тайны никогда не существовали. Впрочем, уже 23 августа я получил факс от Эрве Дюма: я уведомил его о своем отъезде, добавив при этом, что в настоящее время меня интересуют только аисты, но никак не прошлое Макса Бёма. А вот инспектор федеральной полиции, напротив, основательно увлекся изучением жизненного пути старого швейцарца. Его первое послание представляло собой настоящий роман, написанный нервно и жестко, что никак не вязалось с мечтательностью и мягкостью автора. Кроме того, он обращался ко мне по-дружески: видимо, решил забыть о нашей последней встрече.

От кого: Эрве Дюма

Кому: Луи Антиошу

Отель «Хилтон», Братислава.

Монтрё, 23 августа 1991 года, 20 часов.

Дорогой Луи!

Как проходит ваше путешествие? Что касается меня, я продвигаюсь вперед семимильными шагами. За четыре дня расследования мною установлено следующее.

Макс Бём родился в 1934 году в Монтрё. Единственный сын торговца антиквариатом, он учился в Лозанне и в двадцать шесть лет получил диплом инженера. Тремя годами позже, в 1963-м, по направлению Инженерного общества поехал в Мали. Он принимал участие в разработке проекта строительства дамб в дельте Нигера. В 1964 году политические беспорядки вынудили его покинуть страну и вернуться в Швейцарию. Теперь уже Бём отправился в Египет: все то же Инженерное общество командировало его на строительство Асуанской плотины. В 1967 году «шестидневная война» между Египтом и Израилем на Синайском полуострове заставила его опять вернуться на родину. Проведя год в Швейцарии, в 1969 году Бём вновь отправился в путь, теперь уже в Южную Африку, где находился в течение двух лет. На сей раз он работал на компанию «Де Бирс», мировую алмазную империю. Он контролировал строительство наземных сооружений системы шахт. Затем, в августе 1972 года, он обосновался в Центрально-Африканской Республике. К тому времени страна уже была в руках Жана-Бедея Бокасси.

Бём стал техническим советником президента. Он непосредственно отвечал за несколько направлений: строительство, кофейные плантации, алмазодобывающие шахты. Что происходило с ним в течение всего 1977 года, во время переворота, остается тайной для следствия: никакой информации. Следы Макса Бёма вновь обнаруживаются только в начале 1979 года в Швейцарии, в Монтрё. Он был совершенно разбит, буквально раздавлен временем, проведенным в Африке. С сорока пяти лет Бём стал заниматься одними только аистами. Все, с кем я разговаривал, – его бывшие коллеги, работавшие с ним вместе в прежние времена, – говорят о нем примерно одно и то же: Бём был человеком неговорчивым, суровым и даже жестоким. Многие упоминали о его любви к птицам, порой превращавшейся в навязчивую идею.

Что касается его семьи, то и здесь я обнаружил кое-что интересное. Макс Бём познакомился со своей будущей женой, Ирен, в 1962 году, когда ему было двадцать восемь лет. Вскоре он женился на ней. По прошествии нескольких месяцев от этого союза родился мальчик, Филипп. Инженер всегда проявлял глубочайшую привязанность к своей семье, повсюду следовавшей за ним и вынужденной принаравливаться к новым климатическим условиям и различным культурам. Впрочем, в начале 70-х Ирен неоднократно появлялась в Швейцарии. Она бывала там довольно часто, а в Африку ездила все реже и реже, однако регулярно писала мужу и сыну. В 1976 году она окончательно вернулась в Монтрё. Год спустя она скончалась от обширной раковой опухоли; примерно в то же время исчез из поля зрения Макс Бём. Тогда же теряется и след их сына, Филиппа, которому тогда исполнилось пятнадцать лет. С тех пор о нем не поступало никаких сведений. Филипп Бём не появился, даже когда умер его отец. Может, его тоже нет в живых? Или он живет за границей? Полная неопределенность.

О деньгах Макса Бёма мне не удалось узнать ничего нового. Анализ его личных счетов и счетов его ассоциации показал, что инженер обладал состоянием в восемьсот тысяч швейцарских франков. Следов номерного счета

не обнаружено (хотя я лично убежден, что он есть). Когда и каким образом Бёму удалось раздобыть такое количество денег? Во время своих странствий он, должно быть, не раз и не два принимал участие во всяких «темных» делах. Такая возможность у него наверняка имелаась. Я склоняюсь к тому, что это могло быть как-то связано с Бокассой – золото, алмазы, слоновая кость... Сейчас я жду обзора документов по двум судебным процессам над диктатором. Может, где-нибудь всплывет имя Макса Бёма.

Самой большой загадкой на сегодня остается сделанная ему пересадка сердца. Доктор Катрин Варель пообещала мне навести справки в больницах и клиниках Швейцарии. Но ей ничего не удалось найти. Во Франции и в других европейских странах тоже ничего. Тогда где и когда это произошло? В Африке? Не такое уж абсурдное предположение, как может показаться на первый взгляд, ведь первую пересадку человеческого сердца осуществил Кристиан Барнард в 1967 году в Кейптауне – а это как раз в Южной Африке. В 1968 году Барнард сделал уже вторую пересадку сердца. А Бём приехал в Южную Африку в 1969 году. Там ли его оперировали? Я проверил: в архивах клиники Барнарда нет никаких упоминаний о швейцарце.

Еще одна странность: похоже, Бём был крепок как дуб. Я еще раз перерыл все его шале, пытаясь найти хоть один рецепт, результаты каких-нибудь анализов, какую-нибудь медицинскую карточку. Ничего. Я изучил его банковские и телефонные счета: ни одного чека, ни одного звонка, так или иначе связанного с кардиологией или с больницей. А между тем трансплантация сердца – это дело нешуточное. Пациент должен постоянно наблюдаться у врача, делать кардиограммы, биопсию, кучу анализов. Может, он проходил исследования за границей? Бём много путешествовал по Европе, и аисты служили прекрасным поводом, чтобы ездить в Бельгию, Францию, Германию и другие страны. И тут снова тупик.

На этом я и застрял. Как видите, Макса Бёма со всех сторон окружают тайны. Поверьте, Луи, дело Бёма существует. Хотя здесь, в комиссариате Монтрё, его уже закрыли. Газеты в трауре, все убиваются по «человеку, спасавшему аистов». Какая ирония судьбы! Погребение состоялось на кладбище Монтрё. Присутствовали все официальные лица, все «видные» горожане, произносившие речи и соперничавшие в пустословии.

И последнее. Бём завещал все свое состояние известной в Швейцарии гуманитарной организации «Единый мир». Возможно, этот факт даст нам новую версию. Я продолжаю расследование.

Сообщите мне, что у вас новенького.

Эрве Дюма

Инспектор не переставал меня удивлять. За какие-нибудь несколько дней он столько всего раскопал. Я тотчас отправил ему по факсу ответное послание. Я так ничего и не сказал ему о документах Бёма. По этому поводу я испытывал угрызения совести, но необъяснимое чувство стыдливости было сильнее меня. Интуиция подсказывала мне, что не нужно раскрывать все карты, что с документами такой сокрушительной силы следует обращаться осторожно.

Было два часа ночи. Я выключил свет и продолжал сидеть в темноте, разглядывая игру теней, четких, словно на экране. Какова все-таки истинная сущность Макса Бёма? И какую роль во всей этой истории играли аисты, интересовавшие, судя по всему, не его одного? Не в них ли крылась тайна – возможно, настолько ужасная, что она была недоступна моему пониманию? Более чем когда-либо я преисполнился решимости следовать за птицами. До самой разгадки их тайны.

8

На следующее утро я встал позже обычного, с сильной головной болью. Жоро ждал меня в холле. Мы немедленно выехали. Днем Жоро стал расспрашивать меня о жизни в Париже, о моей судьбе, об учебе. Мы сидели на склоне холма. Земля рассыпалась от жары, только несколько баранов обгладывали сухие ветки кустарника.

– А женщины, Луи? У тебя в Париже есть женщина?

– Были. Несколько женщин. Но я, наверное, по натуре одиночка. И девушек, судя по всему, это не очень-то расстраивает.

– Как же так? Я-то думал, что в таких шикарных пиджаках ты очень нравишься парижским девушкам.

– Все дело в прикосновении, – пошутил я и протянул ему свои руки, чудовищные, с грубыми рубцами и шероховатыми ногтями – следами моего забытого прошлого.

Жоро подошел поближе и внимательно осмотрел шрамы. Он тихонько присвистнул сквозь зубы, то ли восхищенно, то ли сочувственно.

– Как это тебя угораздило, а, малыш? – едва слышно произнес он.

– Я был тогда совсем маленький, жил в деревне, – соврал я. – Керосиновая лампа взорвалась прямо у меня в руках.

Жоро опустил на землю рядом со мной, повторяя: «О господи!» У меня уже вошло в привычку врать про несчастный случай всякий раз по-разному. Это стало своего рода причудой, удобным способом давать отпор чужому любопытству и скрывать свое смущение. Но Жоро вдруг добавил сдавленным голосом:

– У меня тоже есть рубцы.

И он повернул свои руки ладонями вверх. Они были изуродованы ужасными вздутыми шрамами. С большим трудом он растянул верхние пуговицы рубашки. Его туловище оказалось сплошь исполосовано такими же рубцами, напоминающими следы от ударов плетью, с крупными розовыми точками через равные промежутки. Я вопросительно взглянул на словака и понял, что он решил поделиться со мной своей историей – тайной его плоти. Он рассказывал глухим голосом на безупречном французском, словно специально подучил язык, чтобы поведать мне о своей судьбе.

– Когда в 1968 году в нашу страну были введены войска Варшавского договора, мне исполнилось тридцать два года. Столько же, сколько сейчас тебе. Это нашествие стало для меня крахом мечты о социализме с человеческим лицом. В то время я жил в Праге со своей семьей. До сих пор помню, как дрожала земля, когда шли танки. Раздавался такой отвратительный лязг, словно железные корни вгрызались в землю. Я помню первые взрывы, удары прикладов, аресты. Мне не хотелось во все это верить. Наш город, наша жизнь – все разом потеряло смысл. Люди укрывались в своих домах. В наших мозгах поселились смерть и страх. Мы начали сопротивляться – особенно молодежь. Но танки раздавили и наши тела, и наш протест. И тогда однажды ночью мы – я и мои родные – решили бежать на запад через Братиславу. Это показалось нам вполне возможным. Знаешь, ведь оттуда рукой подать до Австрии!

Двух моих сестер подстрелили, когда они уже миновали полосу колючей проволоки на границе. Моему отцу очередь разнесла череп. Половина головы вместе с фуражкой отлетела в сторону. А мама застряла в колючей проволоке, зацепившись за ее шипы. Я пытался ее освободить. Ничего не получалось. Она стонала, дергалась, как безумная. Но с каждым ее движением шипы все прочнее цеплялись за пальто, все глубже вонзались в ее тело – а над нашими головами свистели пули. Я был весь в крови, я изо всех сил старался разорвать эту проклятую проволоку. Мамины крики будут звучать у меня в ушах до самой смерти.

Жоро закурил сигарету. Давно он не ворошил эти ужасные воспоминания.

– Русские нас арестовали. Матери я больше не видел. Я провел четыре года в исправительном лагере в Пьедве. Четыре года я подыхал в холоде и грязи, а мотыга словно приросла к моим рукам. Я постоянно думал о матери, о колючей проволоке. Ходил вдоль ограды лагеря и трогал железные шипы, причинившие ей столько страданий. Это моя вина, думал я. Моя вина. И я сжимал в кулаке эти острые иглы, сжимал до тех пор, пока кровь не начинала сочиться между пальцами. Однажды я украл несколько обрывков проволоки. Обмотал ею предплечья, получилось нечто вроде наручей, как в рыцарских доспехах. Я стал носить их под курткой. Каждый удар киркой, каждое движение раздирали мои мышцы. Таким образом я пытался искупить свою вину. Несколько месяцев спустя я обмотал проволокой все тело. Больше я уже не смог работать. Каждое движение причиняло невыносимую боль, мои раны стали воспаляться. В конце концов я просто рухнул на землю. Я был сплошной раной, гангренозной, кровоточащей, гноящейся.

Очнулся я через несколько дней в лагерной больнице. Я не чувствовал ни рук, ни ног – только нестерпимую боль; все тело представляло собой рваную рану. И тогда я увидел их. В полузабытии за грязными стеклами окон я заметил белых птиц. Я решил, что это ангелы. Я подумал: должно быть, я в раю и это ангелы прилетели, чтобы меня встретить. Но нет, меня окружал все тот же ад. Просто наступила весна и вернулись аисты. Я наблюдал за ними, пока выздоравливал. Их было несколько пар, устроившихся на верхушках сторожевых вышек. Как бы тебе это объяснить... Великолепные птицы, парящие над всеми земными бедами, над человеческой жестокостью. Я смотрел на них, и это придавало мне мужества. Я наблюдал за тем, как они ведут себя, как по очереди высидывают яйца, как потом из гнезда высовываются черные клювы аистят, как малыши пытаются летать и, наконец, как в августе они отправляются в великое путешествие... Целых четыре года, прилетая каждую весну, аисты давали мне силы жить. Кошмары прошлого по-прежнему жили внутри меня, но белые птицы, парящие в лазури небес, стали моей последней соломинкой. Знаешь, это ужасно, что я за нее ухватился. Я отбыл свой срок. Вкалывал как собака под надзором русских, хлебая грязь и дрожа от холода, слыша крики парней, которых истязали конвоиры. Тогда-то я и выучил французский, занимаясь с одним убежденным коммунистом, неведомо как оказавшимся в лагере. Выйдя на свободу, я забрал свой партбилет, а потом купил бинокль.

Стемнело. Не появился ни один аист, кроме тех, что изменили судьбу Жоро. Мы молча сели в машину. По краю поля на корявых ветвях поблескивала колючая проволока, образуя фантастические орнаменты.

Первые аисты с радиомаяками появились в окрестностях Братиславы 25 августа. В конце дня я ознакомился с данными системы «Аргус», и оказалось, что две птицы находятся в пятнадцати километрах западнее Саровара. Жоро выразил сомнение, но согласился изучить карту. Место было ему знакомо: в этой долине, по его словам, аисты отродясь не останавливались. К семи вечера мы добрались до лагуны. Мы ехали, внимательно всматриваясь в небо и оглядывая местность. Нигде никаких признаков птиц. Жоро не скрывал усмешки. За те пять дней, что мы вели наблюдение за пернатыми, мы видели только несколько небольших стай, да и то так далеко и так неясно, что это вполне могли оказаться коршуны или другие хищные птицы. Если сегодня, благодаря компьютеру, мы обнаружим аистов, Жоро Грыбински ждет позорное поражение.

Тем не менее он вдруг прошептал: «Вот они». Я поднял глаза. На багряном небосводе кружила стая птиц. Сотня аистов медленно опускалась на островки водной глади, разбросанные среди болота. Жоро одолжил мне бинокль. Я неотрывно следил за тем, как птицы планируют, вытянув клюв и выискивая голубые пятна воды. Это было чудесное зрелище. Теперь у меня, наконец, начало складываться представление о том, как крылатые путешественники попадают в Африку. Среди их подвижной и шумной ватаги находились и две птицы с элек-

тронными устройствами. Радостная дрожь пробежала по моему телу. Спутниковая система работала. С точностью до перышка.

27 августа я снова получил факс от Эрве Дюма. Его расследование пока больше не продвинулось. Ему пришлось заниматься повседневными служебными делами, однако он продолжал звонить во Францию в поисках свидетелей – знакомых Макса Бёма по Центральной Африке. Дюма упорно копал в этом направлении, поскольку был убежден, что именно там Бём проворачивал какие-то темные дела. В конце послания он называл имя одного инженера, специализировавшегося на сельском хозяйстве и вроде бы работавшего в Центральной Африке с 1973-го по 1977 год. Инспектор рассчитывал приехать во Францию и перехватить его, едва тот вернется из отпуска.

28 августа мне пришло время отправляться в путь. Десять аистов покинули окрестности Братиславы, а самые проворные, пролетавшие по сто пятьдесят километров в день, уже достигли Болгарии. Повторить их маршрут на машине оказалось для меня неразрешимой проблемой: они летели над территорией бывшей Югославии, где уже начались крупные неприятности. Изучив карту, я решил объехать стороной этот пороховой погреб, перемещаясь вдоль границы по румынской стороне – благо румынская виза у меня имелась. Затем через небольшой городок Калафат я попадал в Болгарию, а оттуда напрямик отправлялся в Софию. Предстояло проехать около тысячи километров. Я предполагал преодолеть это расстояние за полтора дня, принимая во внимание задержки на границе и состояние дорог.

Утром я заказал на вечер следующего дня номер в «Шератоне» в Софии, потом принялся звонить некоему Марселю Минаусу – очередному человеку из списка Бёма. Минаус был не орнитологом, а лингвистом: он должен был помочь мне связаться с болгарским специалистом по аистам, Райко Николичем. После нескольких неудачных попыток меня, наконец, соединили, и я смог поговорить с французом, живущим в Софии. Он очень обрадовался моему звонку. Я назначил ему свидание на следующий вечер, после десяти часов, в холле «Шератона». Повесил трубку, по факсу сообщил Дюма свои новые координаты и закрыл сумку. Быстро оплатил гостиничный счет и покатил к Саровару, чтобы попрощаться с Жоро Грыбински. Никаких сердечных излияний не было. Мы обменялись адресами. Я обещал прислать ему приглашение: без этого его никогда не пустили бы во Францию.

Через несколько часов я уже подъезжал к Будапешту, столице Венгрии. В полдень я остановился на придорожной стоянке и позавтракал протухшим салатом под сенью бензоколонки. Несколько девушек, светловолосых, легких, как пшеничные колоски, гордо поглядывали на меня, краснея до ушей. Строгая линия бровей, широкие скулы, светлые волосы: эти юные девы в точности соответствовали восточноевропейскому типу красоты, каким я его себе представлял. Столь очевидное совпадение очень меня расстроило. Я всегда был непримиримым противником общепринятых мнений и избитых фраз. Я не знал, что мир устроен значительно проще и понятнее, чем можно подумать, и пусть даже его истины банальны, они от этого не становятся менее прекрасными. Удивительное дело: после испытанного потрясения меня охватила неистовая радость. В час дня я продолжил свой путь.

9

Я подъезжал к Софии вечером следующего дня, под проливным дождем. Вдоль неровных мостовых выстроились кирпичные здания, грязные и обветшалые. По улицам скользили и подскакивали «Лады», напоминающие старые игрушечные машинки. Они кое-как разъезжались с дребезжащими трамваями. Эти самые трамваи были главной достопримечательностью Софии. Они возникали из ниоткуда, производили невообразимый грохот и плевались голубыми искрами, заливаемые небесными потоками. За окнами в дрожащем и внезапно тускнеющем свете виднелись замкнутые лица пассажиров. Казалось, в этих странных вагонах проводился небывалый эксперимент: как будто кто-то нарочно бил бледными монотонными разрядами электричества по скоплению бескровных морских свинок.

Я ехал наугад, не зная куда. Вывески были написаны кириллицей. Правой рукой я выудил из сумки купленный в Париже путеводитель. Листая его, я по счастливой случайности вырулил на площадь Ленина. Осмотрелся. Архитектура напоминала гимн небесам, исполняемый во время бури. Мрачные мощные здания с маленькими окошками окружали меня со всех сторон. Четырехгранные башни с остроконечными верхушками были прорезаны бесконечным множеством бойниц. Их неприветливые цвета смутно выделялись на фоне ночной темноты, опустившейся на город. Справа виднелся грустный черный силуэт старой церкви. Слева, словно аванпост победоносного капитализма, раскинулся во всей красе «Шератон-София-Отель-Балкан». В нем останавливались все деловые люди из Америки, Европы и Японии. Здесь они старались укрыться от уныния социализма, словно от проказы.

В самом центре холла, под гигантскими люстрами меня уже ждал Марсель Минаус. Я тотчас же узнал его. Он сказал мне по телефону: «Я ношу бороду, и у меня заостренный череп». Однако Марсель являл собой нечто гораздо большее. Это была ходячая икона. Высокий, массивный, он напоминал медведя, чуть сутулился и косолапил, а руки его свисали вдоль туловища. Настоящая гора, на вершине которой – голова православного патриарха с длинной бородой и великолепной формы носом. Его глаза были отдельной поэмой: зеленые, живые, окруженные темным ореолом, они словно горели огнем какой-то древней балканской веры. Череп его действительно напоминал митру: совершенно лысый и устремленный к небесам, словно молитва.

– Хорошо добрались?

– Более или менее, – ответил я, уклоняясь от рукопожатия. – С самой границы льет дождь. Я пытался ехать с нормальной скоростью, но ущелья и разбитые дороги заставляли меня все время тормозить, и я...

– Вы знаете, сам я езжу только на автобусе.

Я оставил багаж у портье и вместе со своим спутником отправился в главный ресторан отеля. Марсель уже обедал, но охотно снова уселся за стол.

Сорокалетний Марсель Минаус, француз по паспорту, был кем-то вроде странствующего интеллектуала; этот лингвист-полиглот свободно владел польским, болгарским, венгерским, чешским, сербским, хорватским, македонским, албанским, греческим... да, и, разумеется, цыганским языком, который считал своей основной специальностью. Он написал об этом языке несколько книг и составил учебник для детей, чем особенно гордился. Уважаемый член многочисленных ассоциаций, от Финляндии до Турции, он мотался по симпозиумам и жил нахлебником то в Варшаве, то в Бухаресте.

Мы покончили с едой в половине двенадцатого. Об аистах почти не говорили. Минаус только попросил поподробнее рассказать об эксперименте со спутником. Он ничего не понимал в птицах, но обещал на следующий день представить меня Райко Николичу, «лучшему орнитологу на всех Балканах», как он торжественно провозгласил.

Пробило полночь. Я назначил Марселию встречу на семь часов утра в холле гостиницы. Нам оставалось только взять машину напрокат и отправиться в Сливен, где жил Райко Николлич. Минаус, кажется, был в восторге от предстоящей поездки. Я поднялся к себе в номер. Меня ожидало послание, просунутое под дверь. Пришел факс от Дюма.

От кого: Эрве Дюма

Кому: Луи Антиошу

Шератон-София-Отель – Балкан

Монтрё, 29 августа 1991 года, 22 часа.

Дорогой Луи!

Непростой денек выдался у меня во Франции, но поездка того стоила. Наконец-то я встретился с человеком, которого искал, – Мишелем Гийяром, инженером-агрономом, пятидесяти шести лет. Целых четыре года он провел в Центральной Африке. Четыре года в сырых джунглях, на плантациях кофе... с Максом Бёмом! Я отловил Гийяра в Пуатье, в его собственном доме: он только что вернулся с семьей из отпуска. Благодаря ему я могу в деталях воспроизвести весь африканский период жизни Макса Бёма. Факты таковы:

Август 1972 года. Макс Бём прибывает в Банги, столицу Центрально-Африканской Республики. С ним его жена и сын, и ему, по всей видимости, безразлична политическая ситуация в стране, находящейся в безраздельной власти пресловутого Бокасса, провозгласившего себя «пожизненным президентом». Бём и не такое видал. Он только что вернулся с алмазных приисков Южной Африки, где люди работали голыми, а на выходе их просвечивали рентгеном, дабы удостовериться, что они не проглотили камешек-другой. Бём поселился в великолепном колониальном доме и приступил к работе. Сначала швейцарец руководил строительством большого здания по проекту самого Бокасса, названному «Пасифик-2». Бём произвел впечатление на Бокасса, и тот предложил ему заняться другими делами. Бём дал согласие.

1973 год. За несколько месяцев швейцарец организовал службу безопасности, призванную охранять кофейные поля в Лобае, провинции на юге страны, в непроходимых джунглях, где массовое разграбление плантаций стало настоящим бедствием: деревенские жители воровали кофе до основного сбора урожая. Тогда-то Гийяр и познакомился с Бёмом, поскольку разрабатывал программу развития сельского хозяйства в этом регионе. Агроном помнит его как человека жесткого, по-военному сурового, но честного и искреннего. Впоследствии, когда Бокасса захотел получить заем на строительство двухсот вилл, Бём выступил в роли поручителя Центрально-Африканской Республики перед правительством Южной Африки, где его все знали. Заем был получен. Тогда Бокасса предложил швейцарцу другую работу, связанную с добычей алмазов. Диктатор буквально помешался на алмазах. Именно благодаря драгоценным камням он сколотил большую часть своего состояния (вы, наверное, слышали забавные истории на эту тему: о знаменитой «банке из-под варенья», куда Бокасса складывал камешки, которые любил демонстрировать гостям; о фантастически красивом алмазе «Катрин Бокасса», формой напоминающем плод манго и украшавшем императорскую корону; о скандальных «подарках» французскому президенту Валери Жискар д'Эстену и т. п.). Короче говоря, Бокасса предложил Бёму ездить на месторождения – на севере, в полупустынной саванне, и на юге, в непроходимых лесах, –

и осуществлять надзор за разведкой алмазов. Диктатор рассчитывал, что инженер сумеет рационально организовать разработки и пресечь нелегальную добычу.

Бём изъездил все прииски, как на пыльном севере, так и на лесистом юге. Он наводил ужас на шахтеров своей жестокостью и прославился тем, что изобрел одно наказание. В Южной Африке, когда хотели наказать вора, ему ломали лодыжки, после чего заставляли работать дальше. Бём придумал другой способ: с помощью острых кусачек преступнику перерезали ахиллово сухожилие. Быстро и эффективно, однако в сыром лесу раны воспалялись. Гийяр лично видел несколько человек, погибших от нагноения.

В те времена Бём курировал деятельность многих организаций, среди которых были Центрошахта, Центральноафриканская алмазная компания (ЦААК), «Корона» и Центральноафриканское горно-промышленное общество (ЦАГПО) – официальные учреждения, прикрывавшие не менее официальные махинации БокаССы. Макс Бём, эмиссар диктатора, не принимал участия в его темных делишках. По словам Гийяра, Макс Бём весьма отличался от прихвостней и льстецов, окружавших БокаССу. Он никогда не был сотрудником ни одной из организаций БокаССы. Поэтому его имя не упоминалось ни на одном из двух судебных процессов против диктатора, я это проверил.

1974 год. Бём оказывал сопротивление БокаССе, всюю занимавшемуся незаконной торговлей и рэкетом и все чаще запускавшему лапу в государственную казну. Одна из его мошеннических операций напрямую затронула самого Бёма. Получив заем от южноафриканского правительства, БокаССа не построил и половины из запланированного числа вилл, забрал себе заказ на их меблировку, а потом потребовал, чтобы ему заплатили за все двести домов. Бём, будучи причастным к получению займа, во всеуслышание резко выразил свое негодование. И его тут же отправили за решетку, правда, потом освободили. Он был необходим БокаССе: с тех пор, как он стал контролировать алмазные прииски, добыча резко возросла.

Позднее Бём выступал против БокаССы и в связи с колоссальной контрабандой слоновой кости и неизбежным массовым истреблением животных. Совершенно неожиданно для всех его требования были удовлетворены. Диктатор продолжал торговать слоновой костью, но согласился организовать заповедник в Байанге близ Нолы, на крайнем юго-западе ЦАР. Заповедник существует и до сих пор. Там можно увидеть последних в Центральной Африке лесных слонов.

Если верить Гийяру, Бём был личностью противоречивой. Он вел себя удивительно жестоко по отношению к африканцам – например, собственными руками убил несколько человек, занимавшихся нелегальной добычей алмазов, – но в то же время постоянно жил среди чернокожих. Он терпеть не мог европейское общество Банги, дипломатические приемы, вечера в клубах. Бём был мизантропом, он смягчался только тогда, когда находился в лесу, среди зверей и птиц, особенно рядом с аистами.

В октябре 1974 года в восточной саванне Гийяр наткнулся на Бёма, разбившего лагерь в зарослях травы, в компании своего проводника. Вооружившись биноклем, швейцарец ждал прилета аистов. Тогда-то он и рассказал молодому инженеру, как он спас аистов в своей родной стране и как он каждый год ездит туда, чтобы полюбоваться на птиц, возвращающихся с

юга. «Что вы в них нашли?» – спросил Гийяр. Бём ответил просто: «Они меня успокаивают».

О семье Бёма Гийяр мало что знает. В 1974 году Ирен Бём уже не жила в Африке. Гийяр припомнил, что это была маленькая неприметная женщина с желтоватым цветом лица, она часто оставалась одна в своем большом колониальном доме. Зато инженер хорошо знал Филиппа, их сына, который иногда сопровождал отца в его экспедициях. Сходство отца и сына, видимо, было просто поразительным: одинаковое телосложение, одинаково широкие лица, одинаковая стрижка ежиком. Между тем характером Филипп пошел в мать: застенчивый, беспечный, мечтательный, он подчинялся авторитету отца и молча переносил его суровые методы воспитания. Бём хотел «сделать из него мужчину». Он брал его с собой в беспокойные районы, учил обращению с оружием, давал ему разные поручения, – и все для того, чтобы закалить его.

1977 год. Из Мбаики Бём отправился на разработки в глубь лесов, туда, где находилась большая лесопилка, принадлежащая ЦААК. Здесь начиналась территория племени пигмеев. Инженер разбил лагерь прямо в лесу. Его сопровождали один бельгийский геолог, некто Нильс ван Доттен, два проводника («большой черный» и пигмей) и носильщики. Однажды утром Бём получил телеграмму: ее принес пигмей-посыльный. В ней сообщалось о смерти жены Бёма. А ведь он даже не подозревал, что у нее рак. Он упал как подкошенный прямо в грязь.

С Максом Бёмом случился сердечный приступ. Ван Доттен оказал ему помощь, пытаясь вернуть его к жизни: массировал сердце, делал искусственное дыхание, давал лекарства и т. д. Он велел отнести бесчувственное тело Бёма в больницу Мбаики, находившуюся в нескольких днях пути. Но Бём пришел в себя. Он с трудом прошептал, что тут неподалеку есть миссия и она гораздо ближе, на юге, за границей с Конго (в тех местах граница – лишь условная линия в непроходимой чаще). Он хотел, чтобы его доставили именно туда, где его станут лечить совсем по-другому. Ван Доттен засомневался. Бём настоял на своем решении и потребовал, чтобы геолог отправился в Банги за помощью. «Все будет хорошо», – заверил его Бём. В полной растерянности ван Доттен пустился в путь и шесть дней спустя добрался до Банги. Французские военные тут же арендовали вертолет и отправились в джунгли в сопровождении геолога. Однако, добравшись до места, они не обнаружили ни миссии, ни Бёма. Все исчезло. Или никогда не существовало. Орнитолог как в воду канул, бельгийцу тоже не пришлось надолго задержаться в Банги.

Через год Макс Бём, живой и невредимый, объявился в Банги. Он объяснил, что вертолет конголезского лесного ведомства подобрал его и доставил в Браззавиль, а затем, чудом выжив, он вернулся на самолете в Швейцарию. А там благодаря кропотливому лечению в одной из женевских клиник он выздоровел. Теперь это была лишь тень прежнего Бёма. Он постоянно говорил о своей жене. На дворе был октябрь 1978 года. Вскоре Макс Бём уехал. И больше уже никогда не возвращался в Центральную Африку. С тех пор вместо швейцарца алмазными шахтами занимался один чех по имени Отто Кифер, бывший наемник.

Вот и вся история, Луи. Мой разговор с Гийяром пролил свет на некоторые события. Однако там, где и без того было много тумана, он еще больше сгустился. Например, после смерти Ирен Бём следы сына совсем потерялись. Пересадка сердца тоже остается загадкой, разве что теперь

известно примерное время операции. По всей вероятности, ее сделали осенью 1977 года. Но лечение в Женеве – явная ложь: Бём не был зарегистрирован ни в одной швейцарской клинике за последние двадцать лет.

Остается пойти по алмазному следу. Я убежден, что Бём сколотил состояние именно на драгоценных камнях. И я горько сожалею, что маршрут вашей поездки не пролегает через ЦАР, потому что тогда вы могли бы многое прояснить. Возможно, вы что-нибудь найдете в Египте или Судане. Что касается меня, то с 7 сентября я беру неделю отпуска. Я намереваюсь съездить в Антверпен и навеститься на Алмазную биржу. Уверен, что там отыщутся следы Макса Бёма. Я делюсь с вами самой свежей информацией. Поразмыслим над тем, что есть, и постараемся связаться как можно скорее.

До ближайших новостей.

Эрве

Пока я читал, мои мысли разбрелись в разные стороны. Я старался составить единую картину из имевшихся у меня фрагментов головоломки: из фотографий, запечатлевших Ирен и Филиппа, рентгенограммы сердца Макса Бёма и особенно невыносимо жутких снимков изуродованных негритянских тел.

Дюма еще кое-чего не знал: мне была хорошо знакома история Центральной Африки: у меня имелись на то личные причины. Известно мне было и имя Отто Кифера, ближайшего помощника Бокасса. Этот человек, бежавший из Чехословакии, отличался неумолимой жестокостью и стал знаменит благодаря своим методам устрашения. Он засовывал гранату в рот пленнику и, если тот отказывался давать показания, взрывал ее. За это ему дали милое прозвище: «Тонтон Граната». Бём и Кифер олицетворяли собой два символа зверства: кусачки и гранату.

Я погасил свет. Несмотря на усталость, уснуть не удалось. Кончилось тем, что, не зажигая лампы, я связался с системой «Аргус». Телефонные линии Софии, менее загруженные в столь поздний час, обеспечили мне отличное соединение. В полумраке комнаты на цифровой карте Восточной Европы снова появилась траектория полета аистов. Единственная интересная новость: один из аистов уже оказался в Болгарии. Он опустился на землю на большой равнине неподалеку от Сливена – города, где жил Райко Николич.

10

«В Софии все изменилось. Настало время «американской мечты». Не зная точно, какое будущее сулит им Европа, болгары повернулись лицом к Соединенным Штатам. Отныне знание английского языка открывает в Софии все двери. Говорят даже, что американцам въездная виза выдается бесплатно. Это уже слишком! А ведь не прошло и двух лет с той поры, когда Болгарию называли шестнадцатой республикой Советского Союза».

Марсель Минаус говорил громко, переходя от ярости к иронии и обратно. Было десять часов утра. Мы ехали под ярким солнцем вдоль гор Стара-Планина. Нашим взорам открывались трепещущие от нежного прикосновения лучей поля самых неожиданных цветов: искрящегося желтого, приглушенного голубого, бледно-зеленого. Мелькали беленые деревенские домики, светлые и легкие.

Я вел машину, следуя указаниям Марселя. Он взял с собой Йету, свою «невесту», забавную цыганку, одетую в поддельный костюм «Шанель» из грубой хлопковой ткани. Маленькая и полная, она была уже не молода; из огромной копны сидящих волос торчала ее остренькая черноглазая мордочка. Она поразительно напоминала ежа. Говорила она только по-цыгански, вела себя очень скромно и держалась чуть сзади.

Марсель принялся расхваливать достоинства Райко Николича.

– Как тебе повезло! – повторил он в который раз, начав по ходу дела обращаться ко мне на «ты». – Райко довольно молод, но уже занимает видное положение. Между прочим, он уже стал участвовать в международных симпозиумах. Болгары бесятся от злости: Райко отказался выступать под флагом этой страны.

– Так значит, Райко Николич не болгарин? – удивился я.

У Марселя вырвался глухой смешок.

– Нет, Луи. Он ром – цыган. И с весьма строптивым характером. Он из семьи собирателей. Когда наступает весна, цыгане покидают свое гетто в Сливене и уходят в леса, окружающие равнину. Они собирают липовый цвет, ромашку, плодоножки черешен. – Я изумленно вытаращил глаза, что, в свою очередь, удивило Марселя. – Как, разве ты не знаешь? Ведь черешневые плодоножки хорошо известны как мочегонное средство. Только цыгане («мужчины», как они себя называют) знают, где встречаются эти растения в дикой природе. Они снабжают ими всю фармацевтическую промышленность Болгарии, самую мощную в Восточной Европе. Ты увидишь: это потрясающий народ. Они едят ежей, выдр, лягушек, крапиву, дикий щавель... в общем, все, что оказывается под рукой благодаря щедрости природы. – Марсель пребывал в приподнятом настроении. – Я не видел Райко уже как минимум полгода!

Еще минут пятнадцать мой спутник потчевал меня забавными историями об албанцах. На Балканах албанцы – это примерно то же, что бельгийцы в Западной Европе: в анекдотах вечно высмеивают их наивность, неловкость и бестолковость. Минаус обожал такие истории.

– А вот это ты слышал? Однажды утром в «Правде» появляется сообщение: «Во время военно-морских учений в результате несчастного случая нанесен непоправимый ущерб значительной части албанского флота – левое весло полностью уничтожено». – И Марсель рассмеялся в бороду. – А еще: албанцы начали разрабатывать совместно с русскими космическую программу – орбитальный полет с животным на борту. Отправляют телеграмму в СССР: «Собака уже есть. Присылайте ракету».

Я расхохотался. Марсель добавил:

– Очевидно, время идет, и это уже не так смешно. Но я по-прежнему больше всего люблю анекдоты про албанцев.

Лингвист начал долгую хвалебную речь о цыганской кухне (он лелеял мечту открыть цыганский ресторан в Париже). «Гвоздем» кулинарного искусства этого народа был еж. На него

охотились вечером, вооружившись палкой, потом надували, чтобы легче было удалить иголки. Приготовленный в «зуми», особой муке, и разрезанный на шесть равных частей, этот зверек, по словам Марселя, представлял собой настоящий деликатес.

– Значит, надо всего лишь повнимательнее смотреть на дорогу?

– Никаких шансов, – назидательным тоном возразил Марсель. – Ежи не разгуливают среди бела дня.

Внезапно, словно желая опровергнуть его слова, на обочине появилось колючее существо. Марсель озадаченно поджал губы:

– Наверное, это какой-то больной еж. Или беременная самка.

Я снова расхохотался. Куда-то испарились холода восточных стран, диктаторские режимы, серость и уныние. Должно быть, Марсель владел волшебным даром превращать Балканы в идеальное место, в край фантазий и наслаждения, где царит добрая шутка и сердечное тепло.

И тут мы добрались до окрестностей Сливена. Дороги стали более узкими и извилистыми. Вокруг нас плотно сомкнулись темные леса. Навстречу частенько попадались кибитки кочевых цыган. В тряских повозках ехали целые семьи, и множество черных глаз внимательно наблюдали за нами. Смуглые лица, всклокоченные волосы, растрепанные лохмотья. Эти цыгане не очень-то походили на Йету. Теперь передо мной были настоящие цыгане. То есть те, кто странствует по земле и непринужденно ворует ваш кошелек, поглядывая на вас высокомерно и презрительно.

Спустя какое-то время Марсель велел мне повернуть направо. Узкая тропинка спускалась с дороги к руслу ручья. Сквозь заросли кустарника мы увидели поляну. Между стволами деревьев раскинулся лагерь: четыре немыслимо яркие палатки, несколько лошадей и женщины, расположившиеся на траве и вязавшие пучки белых цветов.

Марсель вышел из машины и что-то крикнул цыганкам самым нежным голосом. Женщины холодно взглянули на него. Марсель повернулся к нам: «Есть небольшая проблема. Подождите меня здесь». Я видел, как в листве блеснула его лысая голова, потом его высоченная фигура возникла уже рядом с женщинами. Одна из них поднялась и возбужденно заговорила с ним. На ней был свитер цвета подсолнуха, плотно обтягивающий ее дряблую грудь. Ее темное лицо с шероховатой кожей напоминало древесную кору. Низко повязанный пестрый платок совершенно скрывал ее возраст, ясно было видно только то, что она существо крайне грубое и свирепое. Рядом с ней сидела другая цыганка, ростом поменьше, и кивала головой, соглашаясь со словами первой. Она тоже поднялась с места. Ее нос с горбинкой словно кто-то свернул в сторону ударом кулака. В ушах у нее висели тяжелые серебряные кольца. Ее бирюзовый пуловер был продран на локтях. Третья цыганка по-прежнему сидела, держа на руках младенца. Ей было, вероятно, лет пятнадцать – шестнадцать, она смотрела в мою сторону, и глаза ее испуганно поблескивали из-под черной лоснящейся гривы.

Я подошел поближе. Женщина-подсолнух что-то кричала, тыча пальцем то внутрь леса, то на юную мать, сидящую на траве. Я оказался в нескольких шагах от них. Цыганка замолчала и уставилась на меня. Марсель побледнел. «Ничего не понимаю, Луи... Не понимаю. Они говорят, Райко нет в живых. Весной... его убили. Надо пойти к главному, его зовут Марин, он там, в лесу». Я кивнул, чувствуя, как мое сердце забилось тяжелыми толчками. Женщины пошли первыми. Мы последовали за ними, пробираясь между деревьями.

В лесу чувствовалась прохлада. Верхушки елей покачивались на ветру, кустарники шумели, когда мы проходили мимо. Сквозь просветы мягко лились солнечные лучи. Они казались бархатистыми, как кожица персика, из-за пляшущей в воздухе тончайшей пыли. Мы шли по тропинке, только что проложенной женщинами. Цыганки уверенно продвигались в глубь леса. Внезапно под сводами изумрудного купола послышались голоса. Голоса мужчин, пере-

кликавшихся друг с другом на большом расстоянии. Женщина-подсолнух обернулась и бросила несколько слов Марселю, который кивнул, продолжая идти вперед.

Первым нам встретился молодой цыган в голубом полотняном костюме – вернее, в лохмотьях, кое-как перехваченных веревкой. Юноша изо всех сил старался распутать буйный кустарник, чтобы сорвать крохотную веточку с бледными цветками на конце. Он поговорил с Марселем и взглянул на меня. «Коста», – произнес он. У него было смуглое молодое лицо, а легкая улыбка придавала ему особенную, пугающую прелесть. Коста двинулся следом за нами. Скоро мы вышли на поляну, где находились все мужчины. Кто-то из них спал или делал вид, что спит, надвинув шляпу на лицо. Некоторые играли в карты. Один из них восседал на пне. У всех лица отливали бронзой, на поясах и шляпах сверкали серебряные пряжки, а их сильные тела готовы были в любой момент отразить нападение. Под деревьями лежали полотняные мешки, наполненные свежесобранными травами.

Марсель обратился к человеку на пне. Видимо, они были давно знакомы. После долгих объяснений Минаус представил меня, затем сказал мне по-французски: «Это Марин, отец Марианы, той, с ребенком. Она была женой Райко». Девушка стояла в отдалении, спрятавшись за кустами. Марин посмотрел на меня. Его почти черную кожу сплошь покрывали крохотные рытвинки, словно на него когда-то надевали маску, изнутри утыканную гвоздями. У него были узкие глаза и выющиеся волосы. Лицо украшала тоненькая полоска усов. Он ходил в рваной куртке, из-под которой виднелась грязная майка.

Я поприветствовал его, затем легким поклоном поздоровался с остальными. Мне мило-стиво позволили разок-другой взглянуть на них. Марин обратился ко мне на своем языке. Марсель перевел: «Он спрашивает, чего ты хочешь».

– Объясни ему, что я собираю сведения об аистах. Что я пытаюсь выяснить, почему они исчезли в прошлом году. Скажи ему, что я рассчитывал на помощь Райко. Как он умер – не мое дело. Но за исчезновением птиц кроются и многие другие загадки. Возможно, Райко знал людей с Запада, связанных с аистами. Думаю, он поддерживал отношения с неким Максом Бёмом.

Пока я говорил, Марсель недоверчиво таращился на меня. Он не понимал ничего из моих слов. Тем не менее он переводил, а Марин слегка кивал, не сводя с меня своих глаз-щелочек. Воцарилась тишина. Марин еще какое-то время смотрел на меня – с минуту или чуть больше. Потом стал говорить. Долго. Степенно. Особенным голосом человека, чья душа устала и состарилась раньше времени, измученная жестокостью других людей.

– Райко любил копаться в дерьме, – произнес Марин. – Но он был мне как сын. Он не работал, но это не самое страшное. Он не занимался семьей, а это уже хуже. Но я на него не сержусь. Такова его натура. Его слишком интересовал окружающий мир. – Марин взял цветок из мешка. – Видишь этот цветок? Для нас это способ заработать несколько левов. Для него это вопрос, загадка. Он учился, читал, наблюдал. Райко был настоящим ученым. Ему были известны все названия, все свойства всех растений, всех деревьев. И птиц тоже. Особенно тех, что путешествуют каждую весну и осень. Как твои аисты. Он все записывал. Он писал многим чужакам в Европу. Думаю, и тому человеку, чье имя ты упомянул, тоже.

Значит, Райко был одним из «дозорных» Бёма. Швейцарец ничего мне не объяснил, и я продвигался на ощупь, как слепой. Марин продолжал:

– Поэтому-то я и рассказываю тебе эту историю. Ты той же породы, что и Райко: любишь размышлять. – Я взглянул на Мариану, видневшуюся среди веток. Она держалась на почти-тельном расстоянии от отца. – Что же до гибели сына, то она никак не связана с твоими птицами. Это убийство на почве расизма, и оно совсем из другого мира. Из мира, где ненавидят цыган.

Случилось это весной, в конце апреля, когда мы отправляемся в путь. У Райко были свои привычки. В марте месяце он верхом приезжал сюда, на край долины, чтобы наблюдать

за аистами. В такие дни он жил в лесу один. Питался кореньями, спал под открытым небом. Потом ждал нашего прихода. Однако в этом году нас никто не встретил. Мы пересекли равнину, бродили по лесу, а потом один из наших нашел Райко в самой чаще. Тело его давно остыло. Звери уже начали его объедать. Я раньше никогда такого не видел. Райко лежал совершенно голый. Грудь его была рассечена посередине, тело все исполосовано, рука и член почти начисто отрезаны, несчетное количество ран.

Мариана, заматавшись в тени деревьев, быстро перекрестилась. Марин продолжал говорить:

– Чтобы понять подобное зверство, парень, нужно вспомнить давнее прошлое. Я мог бы многое тебе рассказать. Говорят, будто мы пришли из Индии, будто мы произошли от касты танцовщиков, да и еще бог знает что. Это все красивое вранье. Я скажу тебе, откуда мы ведем свой род: от охоты на людей в Баварии, от рынков рабов в Румынии, от концентрационных лагерей в Польше, где нацисты препарировали нас, словно подопытных животных. Я все расскажу тебе, парень. Я знал одну старую цыганку, которая много выстрадала в годы войны. Нацисты подвергли ее стерилизации. Женщина это пережила. Несколько лет назад она узнала, что немецкое правительство платит деньги жертвам лагерей смерти. Чтобы оформить пенсию, нужно было пройти медицинский осмотр – доказать, что ты пострадал, или вроде того. Женщина пошла в ближайший диспансер, чтобы ее осмотрели и выписали справку. Когда же открылась дверь, кого, как ты думаешь, она увидела? Того самого врача, который оперировал ее в лагере. Вся эта история – чистая правда, парень. Это произошло в Лейпциге, четыре года назад. Та женщина – моя мать. Она вскорости умерла, так и не получив ни гроша.

– Но какое отношение все это имеет к гибели Райко? – спросил я.

Марсель перевел. Марин ответил:

– Какое отношение? – И цыган уставился на меня своими глазами-бойницами. – Такое отношение, что Зло возвращается, вот так-то, парень. – Он указал пальцем вниз. – Зло возвращается на эту землю.

Потом Марин заговорил с Марселем, ударяя себя кулаком в грудь. Марсель растерялся и не стал переводить. Он попросил Марина повторить. Тот рассердился и повысил тон. Марсель никак не мог понять его последние слова. Наконец он повернулся ко мне и со слезами на глазах прошептал:

– Убийцы, Луи... Они украли сердце Райко.

11

На обратном пути в Сливен все молчали. Марин сообщил нам еще кое-какие подробности: после того, как цыгане нашли тело, они уведомили об этом Милана Джурича, врача-цыгана, который навещал своих пациентов в пригороде Сливена. Доктор Джурич попросил предоставить ему помещение в больнице, чтобы он мог произвести вскрытие. Ему отказали. Для цыгана места не нашлось. Даже для мертвого. Повозка покатила к диспансеру. Снова отказ. В конце концов процессия отправилась в полуразрушенную гимназию, где учились цыганские дети. Там-то, в пропахшем потом спортзале, под баскетбольной корзиной Джурич и произвел вскрытие. И обнаружил, что сердце исчезло. Доктор составил подробный отчет и проинформировал полицию, но она вскоре закрыла дело. Никто из цыган не удивился такому равнодушию. Они к этому привыкли. Больше всего старого цыгана волновал вопрос, кто убил его зятя. В тот день, когда он узнает имена убийц, солнце блеснет на лезвиях цыганских ножей.

Когда мы уезжали, случилось нечто удивительное. Ко мне подошла Мариана и сунула мне в руки тетрадь в потрескавшейся обложке. Цыганка ничего не объяснила, но стоило мне только заглянуть под обложку, как я понял: это был дневник Райко. Сюда он записывал свои наблюдения, свои теории – все, что имело отношение к аистам. Я тут же убрал тетрадь в перчаточный ящик автомобиля.

К полудню мы добрались до Сливена, промышленного города, похожего на множество других. Обычные дома, обычные стройки, обычное уныние. Даже воздух был пропитан этой заурачностью, она летала по улицам, словно цементная пыль, покрывая фасады и лица. Марсель собирался встретиться с Маркусом Лазаревичем, важной персоной в цыганском сообществе. Мы договорились позавтракать с ним, и, несмотря на трагическое известие, отменить мероприятие не представлялось возможным.

Нам не хотелось ни есть, ни сидеть за столом. Маркус Лазаревич оказался фатоватым господином ростом под два метра, с очень смуглым лицом. Он носил часы на золотой цепочке и еще одну толстую цепь, тоже золотую. Блистательный образец преуспевающего цыгана, занимающегося темными делами и ворочающего миллионами левов. Лукавый человек на бархатной подкладке лицемерия.

– Вы, конечно, понимаете, – сказал он по-английски, покуривая длинную сигарету с золотым фильтром, – я был опечален смертью Райко. Но мы с этим никогда не покончим. Вечная жестокость, вечные грязные истории.

– Вы полагаете, – вступил я в разговор, – что тут дело в сведении счетов между цыганами?

– Я этого не говорил. Возможно, преступление совершили болгары. Однако у цыган до сих пор существует закон кровной мести, они не забывают старых обид. То чей-нибудь дом подожгут, то вытащат на свет божий чье-то мерзкое прошлое. Я знаю, что говорю: я и сам – цыган.

– Господи, как ты можешь такое говорить, – произнес Марсель. – Разве ты не знаешь, как погиб Райко?

– Вот именно, Марсель, – ответил Лазаревич и стряхнул маленький кусочек серого пепла. – Болгарского хулигана обнаружили бы где-нибудь на улице с ножом в боку. И все. С цыганом все по-другому. Непременно нужно, чтобы его нашли в чаще леса, чтобы у него было вырвано сердце. В наших странах, где так сильны предрассудки и многие продолжают верить в колдовство, подобная смерть может внести опасное беспокойство в умы людей.

– Но Райко не был хулиганом, – возразил Марсель.

Принесли «свежие салаты» – сырые овощи, посыпанные тертой брынзой. Никто к ним даже не притронулся. Мы сидели в большом пустом зале с темной обивкой на стенах; столы сверкали белыми скатертями, но на них не было ничего, даже приборов. Люстры из поддель-

ного хрустали грустно свисали с потолка, едва отражая солнечный свет и отбрасывая тусклые блики. Казалось, все готово к пиру, которого никогда не будет. Маркус продолжал:

– Возле тела не найдено никаких следов, никаких улик. Точно установлено только то, что сердце похищено. Местные газеты вволю посудачили об этом деле. Наплели бог весть что. Тут тебе и колдовство, и ведьмы. И кое-что похуже. – Маркус раздавил сигарету в пепельнице и взглянул Марселью прямо в глаза. – Ты ведь догадываешься, что я имею в виду?

Я не понял, на что он намекает. Сделав отступление по-французски, Марсель объяснил мне, что многие издавна считают цыган людоедами.

– Это всего лишь выдумки наших предков, – сказал Марсель. – Поверья, связанные с людоедом – пожирателем детей, впоследствии перенесенные на цыган. Однако исчезновение сердца Райко наверняка до смерти напугало обывателей.

Я взглянул на Маркуса. Его мощная фигура оставалась неподвижной. Он курил очередную сигарету.

– Долгие годы, – заговорил он, – я борюсь за то, чтобы улучшить образ нашего народа в глазах других людей. И вот мы снова скатываемся в Средневековье! Впрочем, тут все виноваты. Поймите меня правильно, мсье Антиош. Это вовсе не цинизм. Просто я думаю о будущем. – Он положил на белую скатерть руки, цепкие, как щупальца осьминога. – Я борюсь за улучшение условий нашей жизни, за наше право иметь работу.

В сливенском округе Маркус Лазаревич был заметной политической фигурой. Цыгане выдвинули его «своим кандидатом», и это давало ему изрядную власть. Марсель поведал мне, как Лазаревич в прекрасном двубортном костюме ходил по цыганским кварталам, безглов поводя плечами, а за ним бежала толпа чумазых огольцов, радостно хватаясь засаленными ручонками за дорогую ткань. Я представил себе, как его передергивает при виде своих потенциальных избирателей, грязных и вонючих. Между тем, несмотря на отвращение, Маркус вынужден был угождать цыганам, расплачиваясь за свои политические амбиции. Смерть Райко стала увесистым булыжником, влетевшим в его огород. Лазаревич обрисовал ситуацию по-своему:

– Эта смерть свела на нет результаты наших усилий, особенно в социальной сфере. Например, при поддержке одной гуманитарной организации я создал в гетто центры медицинской помощи.

– Какой организации? – спросил я с волнением.

– «Единый мир». – Маркус произнес название по-французски, потом повторил его по-английски. – Only World.

«Единый мир». За несколько дней я слышал это название уже от нескольких человек, находящихся в сотнях километрах друг от друга. Маркус продолжал:

– Потом эти молодые врачи уехали. Срочная командировка – так они объяснили свой отъезд. Однако не удивлюсь, если им просто осточертели наши бесконечные стычки, наше нежелание приспособливаться, наше презрительное отношение ко всем, кто не принадлежит к нашему народу. Считаю, что смерть Райко переполнила чашу их терпения.

– Врачи уехали из Болгарии сразу после гибели Райко?

– Не совсем. Они уехали в июле.

– В чем заключалась их работа?

– Они лечили больных, проводили вакцинацию детей, раздавали лекарства. У них имела небольшая лаборатория, чтобы делать анализы, и кое-какое оборудование для несложных хирургических операций. «Единый мир» – очень богатая организация. – Маркус поднял указательный палец, как бы подчеркивая, что уж он-то знает в этом толк.

Маркус заплатил по счету и напомнил нам о неудавшемся государственном перевороте, случившемся в Москве десять дней назад. Он искренне полагал, что все происходящее укладывается в рамки единой политической программы и каждое событие играет в ней свою роль.

Нищета цыган, убийство Райко, упадок социалистической системы составляли, на его взгляд, единую логическую цепь, завершающуюся, разумеется, его избранием на высокий политический пост.

В заключение на крыльце ресторана он пощупал подкладку моего пиджака, потом спросил, сколько стоит «Фольксваген» в долларах. Я ему назвал какую-то невообразимую сумму – только ради того, чтобы вывести его из равновесия. За все время нашей встречи он впервые недовольно поморщился. Я захлопнул дверцу. Он помахал нам рукой на прощание, потом наклонился всем своим мощным телом к моему стеклу и спросил: «Только я что-то не понял. Сейчас-то вы зачем в Болгарию приехали?» Включив зажигание, я в двух словах рассказал ему о проблемах с аистами. «Ах, вот оно что!» – снисходительно протянул он с американским акцентом. Я резко тронулся с места.

12

К шести вечера мы вернулись в Софию. Я тут же позвонил доктору Милану Джуричу. Он уехал на консультацию в Пловдив и собирался вернуться на следующий день. Его жена немного говорила по-английски. Я представился и предупредил, что зайду к ним завтра вечером. И добавил, что для меня необычайно важно встретиться с Миланом Джуричем. После недолгих колебаний его жена дала мне адрес и объяснила, как до них лучше добраться. Я положил трубку и решил посмотреть, куда мне предстоит отправиться дальше. Следующим пунктом был Стамбул.

В конверте, подготовленном Максом Бёмом, лежал билет на поезд «София – Стамбул» и прилагалось расписание. Поезд в Турцию отправлялся каждый вечер, около одиннадцати часов. Швейцарец все предусмотрел. Несколько минут я размышлял об этом необычном человеке. А ведь я знал одну особу, которая могла мне о нем рассказать: Нелли Бреслер. В конце концов, ведь именно она направила меня к нему. Я снял трубку и набрал номер моей приемной матери во Франции.

Меня соединили только с десятой попытки. Я услышал далекий сигнал, а потом резкий голос Нелли, еще более далекий:

– Аллю!

– Это Луи, – произнес я холодно.

– Луи? Луи, мой мальчик, где вы сейчас?

Я тут же узнал ее слащавый, притворно дружелюбный тон и почувствовал, что мои нервы натягиваются, как струны.

– В Болгарии.

– В Болгарии? Что вы там делаете?

– Работаю на Макса Бёма.

– Бедный Макс. Я недавно узнала. Не думала, что вы уже уехали...

– Бём заплатил мне за одну работу. Я верен своим обязательствам перед ним. Даже если его уже нет.

– Вы могли бы нас предупредить.

– Нет, Нелли, это ты должна была меня предупредить. – Я обращался к ней на «ты», а она изо всех сил старалась мне «выкатать». – Кем был Макс Бём? Что тебе известно о работе, которую он собирался мне предложить?

– Луи, дорогой, ваш тон меня пугает. Макс Бём был обычным орнитологом. Ты же знаешь, Жорж тоже этим интересуется. Макс был очень милым человеком. Кроме того, он много путешествовал. Мы бывали в одних и тех же странах, и...

– Например, в Центральной Африке?

Нелли помолчала, потом ответила немного тише:

– Ну да, например, в Центральной Африке...

– Что тебе известно о поручении, которое он хотел мне дать?

– Ничего или почти ничего. В мае этого года Макс написал нам, что ищет какого-нибудь студента для короткой командировки за границу. Мы, естественно, сразу подумали о вас.

– Ты знала, что речь идет об аистах?

– Насколько я могу припомнить, именно так.

– Ты знала, что эта поездка связана с риском?

– С риском? Господи, конечно, нет...

Я зашел с другого конца:

– Что тебе известно о Максе Бёме, о его сыне, о его прошлом?

– Ничего. Макс был очень нелюдимым.

– Он говорил тебе о своей жене?

В трубке сильно затрещало.

– Очень мало, – глухо ответила Нелли.

– И он никогда не вспоминал о сыне?

– О сыне? Я даже не знала, что у него был сын. Я не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете, Луи...

В трубке снова ужасно захрипело. Я проорал:

– Последний вопрос, Нелли. Ты знала, что Макс Бёму когда-то сделали пересадку сердца?

– Нет! – Голос Нелли дрожал. – Я только знала, что у него больное сердце. Он ведь скончался от инфаркта? Луи, вам нет смысла продолжать путешествие. Все кончено...

– Нет, Нелли. Наоборот, все только начинается. Я позвоню тебе позже.

– Луи, мой мальчик, когда вы вернетесь?

На линии опять начались сильные помехи.

– Не знаю, Нелли. Поцелуй Жоржа. Береги себя.

И повесил трубку. Я был совершенно расстроен, как всякий раз после разговора с приемной матерью. Нелли ничего не известно. В самом деле, Бреслеры достаточно богатые люди, чтобы позволить себе роскошь не лгать.

Было восемь часов. Я быстро сочинил факс Эрве Дюма, упомянув в нем о сегодняшних ужасных открытиях. В заключение я пообещал инспектору, что теперь сам тоже займусь расследованием прошлого Макса Бёма.

Сегодня вечером Марсель решил сводить нас с Йетой в ресторан. Идея довольно странная, учитывая то, что произошло с нами в этот день. Однако Минаус предпочитал контрасты – и заявил, что нам необходимо расслабиться.

Ресторан находился на Русском бульваре. Марсель с видом церемониймейстера спросил у затянутого в грязный белый смокинг метрдотеля, можно ли нам расположиться на террасе. Тот ответил утвердительно и указал нам на лестницу. Терраса находилась на втором этаже.

Она представляла собой узкий длинный зал с открытыми окнами, выходящими на широкий бульвар. До нас долетали запахи, которые не на шутку меня встревожили: пахло подгорелым мясом, сосисками, копченым салом. Мы уселись за столик. Я оглядел зал: панели под дерево, коричневая обивка, медные люстры. Тихонько переговаривающиеся между собой семейные пары. Только из одного уголка доносились громкие звуки: это были болгары, перебравшие ракии, местной водки. Я принялся изучать меню на английском языке, а Марсель тем временем назидательным тоном объяснял Йете, что ей следовало выбрать. Он сидел спокойно, такой длинноротый, с лысым яйцевидным черепом. Она сидела слишком прямо, испуганно поглядывая по сторонам. Ее звериная мордочка настороженно выглядывала из седеющей шевелюры. Для меня было совершенно непостижимо, что могло связывать два этих странных существа. Со вчерашнего вечера цыганка не произнесла ни единого слова.

Подошел официант. И тут же возникли проблемы. «Салаты из свежих овощей» закончились. Икра из баклажанов – тоже. Не осталось даже «туркии» – блюда, приготовленного в основном из овощей. То же самое и с рыбой. Моему терпению пришел конец, и я спросил у официанта, что вообще осталось у них на кухне. «Только мясо», – ответил он по-болгарски с противной улыбкой. Я покорно согласился на гарнир из зеленой фасоли и картофеля, подчеркнув при этом, что мясо мне приносить не нужно. Марсель пожурил меня за отсутствие аппетита, пустившись в подробные рассуждения на физиологические темы.

Овощи подали через полчаса. Рядом с ними на тарелке красовался сочащийся кровью кусок едва прожаренного мяса. Волна отвращения поднялась к самому моему горлу. Я вцепился официанту в куртку и приказал немедленно унести тарелку. Тот начал отбиваться. Приборы полетели на пол, стаканы разбились. Официант принялся меня оскорблять и даже хватать

за пиджак. Мы вскочили, и дело уже почти дошло до рукопашной, когда Марселью все-таки удалось нас разнять. Официант, бормоча ругательства, забрал тарелку, в то время как пьянчужки за дальним столом подзадоривали меня, приветственно поднимая стаканы. Я словно обезумел, меня всего трясло. Поправив рубашку, я вышел на балкон, чтобы успокоиться.

На Софию опустилась прохлада. Балкон находился как раз над площадью Народного Собрания, где заседает болгарский парламент. Отсюда я мог любоваться большей частью города, залитого мягким светом.

София расположена в низине. Когда спускается вечер, окрестные горы становятся нежно-голубыми. А красновато-коричневые краски города еще больше сгущаются. Устремленная вверх, сложная по планировке, вычурная, София с ее кроваво-красными зданиями и белыми каменными оградами представлялась мне средоточием тщеславия в центре Балкан. Меня удивили ее живость и многообразие, не соответствовавшие расхожим представлениям о неприглядной жизни в Восточной Европе. Конечно, в Софии хватало и безликих зданий, и очередей на бензоколонках, и пустых магазинов. Однако это был светлый город, овеваемый свежим ветром, радостный и безрассудный. Его непредсказуемые подъемы и спуски, оранжевые трамваи и пестрые лавочки делали его похожим на странный парк аттракционов, где посетителям то весело, то страшно.

Марсель вышел ко мне на балкон.

– Как ты? – осведомился он, похлопав меня по плечу.

– Все хорошо.

Он нервно хохотнул:

– Свой цыганский ресторан мне явно придется открывать без тебя.

– Марсель, извини. Надо было предупредить, – ответил я. – При виде даже небольшого кусочка мяса мне хочется бежать, куда глаза глядят.

– Ты вегетарианец?

– В общем, да.

– Ничего страшного. – Он окинул взглядом город в огнях, потом повторил: – Ничего страшного. Мне тоже не хотелось есть. Это была не самая удачная идея – пойти в ресторан.

Он помолчал.

– Райко был моим другом, Луи. Настоящим близким другом, чудесным парнем, знавшим лес, как никто другой, находившим любое растение в самом отдаленном уголке. В семье Николичей он был мозговым центром. Без него не обходился ни один сбор растений.

– Почему ты не виделся с ним целых полгода? Почему никто не сообщил тебе о его смерти?

– Весной я уехал в Албанию. Там вот-вот может начаться свирепый голод. Я пытаюсь призвать французские власти к состраданию. Что касается Марина и остальных, с чего бы им меня оповещать? Они сами были напуганы. Кроме того, я ведь не цыган.

– А у тебя самого есть какие-нибудь соображения по поводу гибели Райко?

Марсель пожал плечами. Он сделал паузу, видимо, собираясь с мыслями.

– Я не нахожу объяснений. Мир цыган жесток. В первую очередь они жестоки друг к другу. С легкостью размахивают ножом, еще легче – кулаками. У них менталитет уличной шпаны. Однако настоящая жестокость – за пределами их мира. Это жестокость чужаков, гадже, к цыганскому племени. Она неотступно преследует цыган повсюду, ходит за ними по пятам уже много веков. Я повидал немало трущоб, расположенных в предместьях крупных городов Болгарии, Югославии, Турции. Там в бараках, утопающих в грязи, живут целые семьи, не имеющие ни профессии, ни будущего, постоянно испытывающие гнет расизма. Иногда на них яростно нападают в открытую. А иногда атака организуется изощренно. То есть с применением правовых норм и законных мер воздействия. Впрочем, смысл один и тот же: «Цыгане, убирайтесь отсюда!» Мне не раз доводилось видеть, как цыган выселяли при помощи полиции, бульдозе-

ров, поджогов... Я видел, Луи, как под развалинами бараков, в пламени горящих фургонов гибли дети. Цыгане – это чума, их надо предать позорной смерти. Ты спрашиваешь, что могло случиться с Райко? Откровенно говоря, не знаю. Возможно, это убийство, совершенное расистами. Или предупреждение цыганам, чтобы они убирались из этого края. Или даже стратегия, направленная на дискредитацию цыган. Как бы то ни было, Райко стал невинной жертвой в какой-то грязной истории.

Я хорошенько запомнил его слова. В конце концов, все это действительно могло не иметь никакого отношения ни к Макс Бёму, ни к его тайнам. Я сменил тему:

– Что ты думаешь о «Едином мире»?

– О врачах из гетто? Отличные ребята. Доброжелательные и самоотверженные. Впервые болгарские цыгане получили реальную помощь. – Марсель повернулся ко мне. – А ты сам, Луи, ты-то зачем полез в эту историю? Разве ты и вправду орнитолог? Что это за важное дело, о котором ты говорил Марину? И какую роль во всем этом играют аисты?

– Да я и сам не знаю. Марсель, я кое-что скрыл от тебя: Макс Бём действительно нанял меня следить за аистами. Тем временем он скончался, и с момента его смерти загадок становится все больше и больше. Мне нечего к этому добавить, кроме того, что с нашим орнитологом все не так просто.

– Почему же ты взялся за эту работу?

– Я десять лет учился и пахал до изнеможения, а сейчас, когда все это позади, меня тошнит от любой умственной деятельности. Все эти десять лет я ничего не видел, ничего не чувствовал. Мне захотелось покончить с этим интеллектуальным онанизмом: от него только и остается, что чудовищная пустота внутри да такая жажда бытия – хоть головой о стенку бейся. Марсель, это превратилось в навязчивую идею. Разорвать круг одиночества, познать неизведанное. Поэтому когда старина Макс предложил мне проехать через всю Европу и Ближний Восток в Африку, ведя наблюдение за аистами, я не раздумывал ни секунды.

К нам присоединилась Йета. Она была рассержена. Официант отказался ее обслуживать. В итоге все мы остались без ужина. Спустились сумерки, глубокое небо теперь напоминало темное сукно.

– Надо возвращаться, – сказал Марсель. – Будет гроза.

Мою безликую комнату заливал бледный свет. Раздавались мощные раскаты грома, но дождь так и не соизволил пролиться. Было душно, а кондиционер отсутствовал. Такая жара стала для меня полной неожиданностью. Я всегда считал, что страны Восточной Европы погружены во мрак и холод, а их жители обречены круглый год отапливать жилища и ходить в ушанках.

В десять тридцать вечера я просмотрел данные «Аргуса». Первые два аиста из Сливена уже подлетали к Босфору. Судя по показаниям пеленгатора, несколько часов назад они опустились на отдых в Свиленграде, у самой турецкой границы. Еще один аист добрался сегодня вечером до Сливена. Остальные невозмутимо следовали за ним. Я поинтересовался и тем, что творилось на западном направлении – там, где восемь аистов отправились в путь через Испанию в сторону Марокко... Большинство из них уже пересекли пролив Гибралтар и приближались к Сахаре.

Гроза продолжалась. Я растянулся на кровати, выключив верхний свет и включив лампу на тумбочке. Только теперь я смог открыть дневник Райко.

Это был настоящий гимн аистам. Райко отмечал все: время полета птиц, число гнезд, аистят, несчастных случаев... Он выводил среднее арифметическое, старался все систематизировать. Его дневник был испещрен колонками цифр, причудливыми шифрованными записями, которые наверняка оценил бы Макс Бём. Он также делал заметки на полях на корявом английском. Его рассуждения были то серьезными, то добродушными и шутивными. Он давал

прозвища парам аистов, гнездившимся в Сливане, и составил особый указатель с примечаниями. Таким образом, я познакомился с «Серым серебром», которые выстилали гнездо мхом, с «Кокетливыми носами», один из которых, самец, имел асимметричный клюв, с «Пурпурной весной», которые останавливались на отдых в розовых закатных сумерках.

Райко дополнял свои наблюдения чертежами, анатомическими схемами. На нескольких рисунках во всех деталях были изображены колечки, надеваемые на птиц: французские, немецкие, голландские и, разумеется, Макса Бёма. Рядом с каждым рисунком Райко поставил дату и место, где он производил наблюдения. Меня поразила одна деталь: дважды окольцованные птицы носили разные модели колечек. То, на котором значилась дата рождения, было тонким и цельным. А то, которое надевал Макс Бём, было толще и, судя по всему, размыкалось, как клещи. Я встал, вынул фотографии и принялся внимательно разглядывать лапки пернатых. Райко все понял абсолютно верно. Колечки различались. Это заставило меня задуматься. Надписи на колечках, напротив, были одинаковые: когда и где их надели, и больше ничего.

Снаружи наконец-то хлынул ливень. Я открыл окна и впустил волны свежего воздуха. Вдалеке светилась огнями София, словно галактика, затерянная среди серебристых струй дождя. Я вновь продолжил чтение.

Страницы в конце дневника были посвящены аистам, прилетевшим в 1991 году. Эта весна оказалась для Райко последней. Прошли февраль и март, и Райко, как и Жоро, обратил внимание на то, что аисты Бёма все не возвращаются. Он, как и Жоро, предположил, что они не прилетели потому, что чем-то заболели или были ранены. И это все, что Райко смог мне рассказать. Из дневника я узнал о его последних днях. 22 апреля записи обрывались.

13

– Кочевой образ жизни цыган исторически сложился как результат гонений и проявлений расизма со стороны людей иных племен.

Я вел машину, а Марсель тем временем без устали разглагольствовал, хотя было только шесть утра, и над болгарскими полями все никак не желал разгораться рассвет.

– Те цыгане, что так и остались кочевниками, – самые бедные и обездоленные. Каждую весну они трогаются в путь, мечтая о просторном и теплом доме. Вместе с тем кочевой образ жизни – в этом-то и парадокс – остается неотъемлемой частью цыганской культуры. Даже оседлые цыгане обязательно путешествуют. Так мужчины находят себе жен, а семьи объединяются. Эта традиция выходит за рамки простого перемещения в пространстве. Это состояние души, способ существования. Цыганский дом всегда чем-то похож на палатку: в нем имеется большая комната как существенный элемент общинной жизни, она обустроена, оформлена и обставлена так, чтобы напоминать кибитку.

На заднем сиденье спала Йета. Было 31 августа. Мне предстояло провести в Болгарии больше шестнадцати часов. Я намеревался вернуться в Сливен, чтобы еще раз расспросить Марину и просмотреть местные газеты от 23 и 24 апреля 1991 года. Хотя полиция и закрыла дело, журналисты могли в тот момент что-нибудь раскопать. Яне слишком надеялся на это, но следовало чем-то занять время до встречи с доктором Джуричем, назначенной на вечер. Кроме всего прочего, я надеялся застать аистов во время их пробуждения после ночевки на равнине.

Наш поход в редакции газет ничего не дал. Статьи, посвященные делу Райко, представляли собой не что иное, как поток речей расистского толка. Маркус Лазаревич оказался прав: смерть Райко сильно взбудоражила умы людей.

Одна газета поддерживала версию о сведении счетов между цыганами. В статье говорилось, что два клана цыган – собирателей трав не поделили территорию. Текст заканчивался чем-то вроде обвинительной речи против цыган, упоминался ряд потрясших Сливен скандалов, в которых были замешаны цыгане. Убийство Райко стало апофеозом всех предыдущих дел. Нельзя допустить, чтобы лес превратился в зону военных действий, представляющих опасность для болгарских крестьян и в особенности для их детей, гуляющих там. Марсель, переводя статью, кипел от ярости. Другая газета, орган оппозиционной партии, делала упор на суеверия. В статье говорилось об отсутствии каких-либо улик. И дальше одно за другим сыпались предположения, связанные с магией и колдовством, например: возможно, Райко в чем-то «провинился». Чтобы его покарать, его сердце вырезали и бросили на растерзание хищной птице. В завершение автор статьи в апокалиптической манере настраивал жителей Сливена против цыган, этого сатанинского сброда.

Что касается газеты «Союз охотников», то она ограничилась довольно короткой заметкой, представляющей собой историческую справку о жестокости цыган. Автор равнодушным тоном рассказывал о поджогах, убийствах, грабежах, драках и прочих разбойных вылазках и утверждал, что цыгане – людоеды. Чтобы не показаться голословным, редактор дополнил статью ссылкой на некий случай в Венгрии в XIX веке, когда цыган обвинили в каннибализме.

– Только они забыли написать, – бурно возмущался Марсель, – что цыган тогда оправдали. Впрочем, слишком поздно, потому что более сотни цыган без суда и следствия были утоплены в болотах.

Минаус вышел из себя. Он расшумелся на всю типографию. Принялся звать главного редактора и раскидывать пачки бумаги, разлил краску, а потом стал трясти старика, позволившего нам заглянуть в архивы. Мне с трудом удалось урезонить Марселя. Мы вышли. Ничего не понимающая Йета семенила за нами.

Рядом со сливенским вокзалом я заметил сборный домик, где размещался буфет, и предложил выпить кофе по-турецки. Марсель еще добрых полчаса ворчал по-цыгански, потом наконец успокоился. За спиной у нас цыгане жевали миндаль, затаившись, словно дикие звери. Минаус не удержался и обратился к ним на великолепном цыганском. Цыгане улыбнулись, потом стали ему отвечать. Вскоре Марсель уже смеялся. К нему вновь вернулось обычное хорошее настроение. Было десять часов утра. Я предложил своему спутнику сменить обстановку и отправиться за город на поиски аистов. Марсель охотно согласился. Я начинал понимать его сущность: Минаус был кочевником, причем не только в пространстве, но и во времени. Он жил только настоящим. Каждую секунду в его голове происходили ярко выраженные, радикальные перемены.

Сначала мы ехали через виноградники. Множество цыганок срывали грозди, склонившись между неровными рядами лоз. В воздухе стоял густой фруктовый аромат. Когда мы проезжали мимо, женщины выпрямлялись и махали нам руками. Все те же лица – темные, матовые. Все те же лохмотья – яркие, пестрые. У некоторых цыганок ногти были покрыты красным лаком. Дальше простиралась пустынная необъятная равнина, лишь кое-где попадались одинокие цветущие деревья. Но чаще среди сочных трав виднелись темные и блестящие полосы заболоченной земли.

Внезапно вдалеке среди зелени появился вытянутый белесый гребешок. «Вот они», – прошептал я. Марсель взял у меня бинокль и навел его на стаю. Вскоре он скомандовал: «Поверни сюда», – и указал на тропинку, уходящую вправо. Колеса попали в топкую колею. Мы медленно подъезжали к птицам. Их там было несколько сотен. Все они тихо и неподвижно стояли на одной ноге. «Заглуши мотор», – чуть слышно прошептал Марсель. Мы вышли из машины, приблизились. Несколько птиц встрепенулись, захлопали крыльями и улетели. Мы замерли на месте. Тридцать секунд. Минута. Птицы стали размеренно опускать клювы к земле, изредка переступая маленькими шажками. Мы сделали еще несколько шагов вперед. Пернатые были теперь метрах в тридцати от нас. Марсель сказал: «Давай остановимся. Ближе подойти не получится». Я взял бинокль и стал внимательно осматривать аистов: среди них не было ни одного окольцованного.

Последние утренние часы мы провели на поляне Марина. На сей раз цыгане проявили большее радушие. Я узнал имена цыганок: жену Марина, великаншу в ярко-желтом свитере, звали Султана, женщину с разбитым носом, жену Мермета, – Зайнепо, а рыжеволосую, что стояла подбоченясь, жену Косты, – Като. Вдова Райко, Мариана, баюкала Денке, своего трехмесячного сына. Солнце уже стояло высоко. В травах бурлили соки земли, и им вторило жужжание насекомых.

– Я хотел бы поговорить с тем, кто обнаружил тело, – наконец произнес я.

Марсель недовольно поморщился. Тем не менее он перевел мою просьбу. Марин в свою очередь окинул меня пренебрежительным взглядом и позвал Мермета. Это был высоченный парень, его острое темно-коричневое лицо почти полностью скрывали длинные блестящие пряди. Говорить цыгану явно не хотелось. Он сорвал какую-то травинку и принялся жевать ее с отсутствующим видом, изредка чуть слышно роняя несколько слов.

– Ему нечего сказать, – перевел Марсель. – Мермет обнаружил Райко в чаще. Вся семья прочесывала лес, стараясь найти Райко. Мермет отважился заглянуть туда, куда обычно никто не ходит. Говорят, там живут медведи. И там он нашел тело.

– Где точно? В кустах? Или на поляне?

Марсель перевел вопрос. Мермет ответил. Минаус продолжил:

– На поляне. Трава там была совсем низкая, словно примятая.

– На этой самой траве были следы?

– Ни одного.

– А поблизости ты ничего не приметил? Может, след человека? Или отпечатки шин?

– Нет. Поляна эта очень далеко в лесу. Машина не проедет.

– Ну а тело? – продолжал я свои расспросы. – Как лежало тело? Как тебе показалось, Райко сопротивлялся?

– Трудно сказать, – ответил Марсель, выслушав слова Мермета. – Он лежал прямо, руки вдоль туловища. Кожа вся исполосована. Из глубокого разреза, начинавшегося вот здесь, – Мермет ударил себя в грудь, туда, где сердце, – торчали внутренности. Особенно странным было его лицо. Оно словно состояло из двух частей. Вверху широко открытые глаза. Совершенно белые. Полные ужаса. А внизу – закрытый рот и спокойно, мирно сложенные губы.

– И все? Больше тебя ничего не поразило?

– Ничего.

Мермет несколько секунд помолчал, продолжая жевать травинку, а потом добавил:

– Похоже, накануне там была жуткая буря. Потому что в том конце леса все деревья на земле валялись, а ветки словно кто нарочно в щепки порубил.

– Последний вопрос: Райко тебе ни о чем не рассказывал, например, о том, что он обнаружил что-нибудь интересное? Тебе не показалось, что он чего-то боится?

Мермет напоследок ответил голосом Марселя:

– Его два месяца никто не видел.

Я записал рассказ Мермета в свой дневник, потом поблагодарил его. Он ответил легким кивком. Он был похож на волка, которого потчуют молоком из блюдечка. Мы вернулись в лагерь. Детишки ухитрились засунуть какую-то из своих кассет в мою автомагнитулу. В мгновение ока «Фольксваген» превратился в цыганский оркестр: из открытых настежь дверей машины раздались дрожащие звуки кларнета, аккордеона и барабанов, сливающиеся в быструю мелодию. Я немного удивился. Мне раньше казалось, что цыганская музыка соткана из томных вздохов скрипок. А эти пронзительные звуки скорее походили на танцы дервишей.

Султана угостила нас кофе по-турецки – горькой жидкостью с толстым слоем гущи. Я едва пригубил напиток. Марсель пил его маленькими глотками, как настоящий знаток, и что-то бурно обсуждал с женщиной-подсолнухом. Мне показалось, что они говорят о кофе, о рецептах и способах его приготовления. Потом он опрокинул чашку и подождал несколько минут. Наконец, опытным глазом осмотрел дно и с помощью Султаны прокомментировал увиденное. Я понял, что они спорили о том, как лучше гадать на кофейной гуще.

А я, ни на кого не глядя, просто сидел и улыбался, осаждаемый беспокойными мыслями. Для Марина и всех остальных смерть Райко канула в прошлое: Марсель объяснил мне, что по прошествии года имя умершего освободится, и им можно будет назвать новорожденного, устроить большое застолье и спать спокойно, поскольку тогда дух усопшего перестанет приходить во сне к его братьям и тревожить их. У меня, наоборот, из-за его гибели рушилось настоящее. И, возможно, еще больше – будущее.

К двум часам дня небо вновь заволокло тучами. Пора было ехать, чтобы к вечеру вернуться в Софию и застать дома доктора Милана Джурича. Мы распрощались со всей «честной компанией» и тронулись в путь. Провожали нас улыбками и дружескими объятиями.

Дорога шла через пригород Сливена. Через грязные трющобы с немощными дорогами, где там и сям виднелись остовы автомобилей. Я притормозил. «У меня здесь много друзей, – произнес Марсель, – но мне не хотелось бы, чтобы ты все это видел. Поехали отсюда». На обочине асфальтированной дороги ребятишки приветствовали нас, крича: «Гадже! Чужаки!» Все они бегали босиком. У них были чумазые мордашки, а в волосах засохли комочки грязи. Я прибавил скорость. И после небольшой паузы прервал молчание:

– Марсель, скажи-ка мне одну вещь: почему цыганские дети такие грязные?

– Дело здесь не в неряшливости, Луи. Это древняя традиция. Цыгане считают, что дети так прекрасны, что могут вызвать зависть взрослых и те вполне способны их сглазить. Поэтому

ребятишек никогда не моют. Получается что-то вроде маскировки. Чтобы скрыть от других людей их красоту и чистоту.

14

Пока мы ехали, Марсель рассказывал мне о докторе Милане Джуриче:

– Это очень странный тип. Одиноким цыган. Никто не знает точно, откуда он взялся. Блестяще говорит по-французски. Говорят, он изучал медицину в Париже. В семидесятых приехал на Балканы. С этого времени Джурич колесил по Болгарии, Югославии, Румынии, Болгарии и давал бесплатные консультации. Он лечил цыган подручными средствами. Он соединял современную медицину с вековым цыганским знанием трав. Он спас несколько женщин от тяжелых кровотечений. Их стерилизовали в Венгрии и Чехословакии. Тем не менее Джурича обвинили в том, что он нелегально делал аборт. Насколько я помню, его даже судили два раза. Ложь чистой воды. Едва выйдя из тюрьмы, он возобновлял свои поездки. В цыганском мире Джурич – личность знаменитая, почти легендарная. Считается, что он обладает магическими способностями. Советую тебе: иди к нему один. С одним гаджо он еще, может, и станет говорить. Двух, пожалуй, будет многовато.

Примерно через час, около шести вечера, мы добрались до Софии. Однако сначала нам пришлось проехать через кварталы ветхих домов, вокруг которых были прорыты глубокие канавы, потом – вдоль пустыря, где цыгане, разбив табор, упорно боролись за жизнь. Их насквозь вымокшие палатки, казалось, вот-вот потонут в волнах мутной воды. Мы видели забавную сценку: цыганские девочки в широких, на восточный манер, шароварах из простой ткани развешивали белье среди бурлящих потоков дождя и грязи. Болезненно испуганные взгляды. Чуть заметные улыбки. Меня вновь до глубины души взволновали гордая красота и достоинство этого народа.

Я повернул на бульвар Ленина и высадил Марсея с Йетой на площади Народного Собрания. Их двухкомнатная квартира была неподалеку. Марсель настоял на том, чтобы объяснить мне, где живет Милан Джурич. Он достал потрепанную записную книжку и принялся разрисовывать страницу всевозможными схемами, дополняя их надписями кириллицей. «Теперь ты точно не заблудишься», – сказал он, засыпав меня названиями улиц, указаниями, куда поворачивать, и массой ненужных подробностей. Наконец, он нацарапал латинскими буквами точный адрес Джурича. Марсель и Йета непременно хотели проводить меня на поезд. Мы условились встретиться на этом же месте в восемь часов.

Я вернулся в «Шератон», сложил сумку и уплатил по счету, выложив несколько толстых пачек левов. Спросил, не приходили ли мне сообщения. В шесть тридцать я снова катил по улицам милой Софии.

Я опять поехал по Русскому бульвару, потом повернул налево, на улицу генерала Владимира Заимова. В лужах змеились отражения светящихся вывесок. Я оказался на вершине холма. Ниже по склону рос густой лес. «Надо проехать через парк», – говорил мне Марсель. Я долго колесил среди зарослей, пока моему взору не открылись островки домов, расположенные по обеим сторонам унылого бульвара. Наконец я нашел нужную улицу. Повернул, притормозил, ударился подвеской о выбоину дороги, потом несколько раз проехал по кварталу вдоль и поперек среди безликих строений. Доктор жил в доме номер 3-С. Нигде не было видно ни одной цифры. Я сунул свой блокнот с адресом цыганским ребятишкам, игравшим под дождем. Расхохотавшись, они указали на строение прямо передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.